

ДА ЗДРАВСТВУЕТ БЛОН КОММУНИСТОВ И БЕСПАРТИЙНЫХ В ПРЕДСТОЯЩИХ ВЫБОРАХ ВЕРХОВНЫХ СОВЕТОВ СОЮЗНЫХ И АВТОНОМНЫХ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК!

(Из лозунгов ЦК ВКП(б) к 1 мая 1938 г.)

ЗА ЛУЧШИХ ЛЮДЕЙ СТРАНЫ!

— Вот здесь, на этом заводе, который с гордостью носит имя великого вождя, товарищ Сталин организовал нас, учил бороться за построение нового мира...

Четыре тысячи человек внимательно слушали старого мастера-инструментальщика. Он говорил: — Я думаю, что выражу мнение всех, назвав первым кандидатом в депутаты Верховного Совета Грузинской ССР творца самой демократической в мире Конституции, того, чье имя является символом величайших побед социализма, Иосифа Виссарионовича Сталина.

Четыре тысячи рабочих, инженеров, служащих тбилисского паровозоремонтного завода имени Сталина горячо и долго аплодировали вдохновенной речи беспартийного стахановца Цылика, выразившего их чувства, мечты, желания.

— Ура товарищу Сталину!
— Да здравствует великая, непобедимая партия Ленина—Сталина!

Лучшие люди завода называли имена кандидатов в депутаты Верховного Совета своей республики:

— Лазарь Моисеевич Каганович!
— Руководитель грузинских большевиков Лаврентий Павлович Берия!

— Стахановец Иван Алексеевич Девурашвили!
И в те же предвыборные дни три тысячи студентов, профессоров и преподавателей государственного университета столицы Советской Грузии выдвинули кандидатами в депутаты Верховного Совета Грузинской ССР товарища Сталина и его верного соратника товарища Молотова, профессора тов. Джавакишвили, ректора университета тов. Кизнадзе.

Грузинская ССР назвала первым и самым дорогим кандидатом в депутаты своего Верховного Совета товарища Сталина. А спустя несколько дней это любимое имя произносили на всех предвыборных митингах и собраниях во всех республиках нашего многонационального и многонационального Советского Союза: рабочие и колхозники РСФСР, виноградари Армении, нефтяники Азербайджана, узбекские и таджикские хлопководы; в городах и бескрайних степях Киргизии, на пограничных заставах Туркменистана и Белоруссии, украинский народ, казахский народ.

Прозвонили имя Сталина и имена его славных боевых соратников — членов Политбюро ЦК ВКП(б): имена заслуженных и всеми уважаемых людей, пользующихся доверием народа: прославленных шахтеров и профессоров, трактористов и командиров Красной Армии и Красного Флота, деятелей искусства и пограничников, стахановцев плантаций и полей, летчиков, покорителей Арктики... — кандидатов крепчайшего блока коммунистов и беспартийных, завоевавших своей беззаветной преданностью делу Ленина—Сталина эту величайшую честь и доверие.

Как и в дни подготовки к выборам Верховного Совета СССР народы союзных и автономных советских социалистических республик снова переживают сейчас огромный подъем и радостное волеание. На предвыборных собраниях, в шахах предприятий и на квартирах избирателей звучат голоса большевистских агитаторов и пропагандистов, рассказывающих о могуществе и богатстве наших одиннадцати союзных республик, о возмужавшей молодости народов, о их нерушимой дружбе, о вдохновенной и организаторе всех наших замечательных дел и побед — Иосифе Виссарионовиче Сталине.

На нефтяных промыслах Биби-Эббата, на родине замечательного поэта Джамбула, в Полесье и в тайге — всюду, на всех языках рассказывают о первой среди равных — о Российской Социалистической Федеративной Советской Республике, о великом русском народе, который дал миру гениального Ленина, первый утвердил советскую власть и помог всем народам бывшей Российской империи стать свободными, счастливыми, полноправными хозяевами своих земель, своих богатств, своих судеб.

На всех языках рассказывают... От Балтики до Берингова моря, от Кавказских хребтов до Северного Ледовитого океана — таковы просторы РСФСР. Сыны 105 миллионов — это больше населения Германии и Франции, вместе взятых, — вот каково население РСФСР. Уголь и железные руды. Вся автомобильная промышленность страны, почти вся хлопчатобумажная, шерстяная и льняная, больше трех четвертей металлообрабатывающего и химического производства, гиганты металлургии и машиностроения, электростанции. Урал. Дальний Восток. Вола. Москва — столица РСФСР и столица всей нашей страны!..

Раскрываю брошюру с докладом М. И. Калинина на Чрезвычайном XVII Всероссийском съезде советов 15 января 1937 года «О проекте Конституции РСФСР», читаю строки:

«Русский народ выдвинул из своей среды немало людей, которые своим талантом подняли уровень мировой культуры. Достаточно напомнить такие имена, как Ломоносов, Пушкин, Белинский, Добролюбов, Чернышевский, Некрасов, Щедрин, Чехов, Толстой, Горький, Суриков, Репин, Галица, Чайковский, Римский-Корсаков, Менделеев, Тимирязев, Павлов, Мичурин, Циолковский. Я не говорю о крупнейших деятелях русского театра, оказавших огромное влияние на развитие театрального искусства вообще. Все это говорит о роли русского народа в развитии мировой культуры».

Вспоминаю боевые дни, когда питерские слесари, ивановские ткачи, сормовские кузнецы, уральские и московские сталевары, шахтеры Донбасса, голодные и разутые, дрались на полях Средней Азии и Украины, в казахских степях и лесах Белоруссии, против интервентов и белогадардейцев, с любовью вспоминая о героических походах Красной Армии, о ее полководцах Ворошилове, Кирове, Орджоникидзе, Куйбышеве, Фрунзе, сынавт большевистскую партию и ее вождей Ленина и Сталина.

Быстро проходит дни, замечательные дни избирательной кампании, насыщенные волнующими событиями, величественными делами, радостным трудом. Незаметно промелькнул и эти три — четыре недели, и снова, как в памятный день всенародного праздника — 12 декабря 1937 года — трудящихся всех союзных и автономных советских социалистических республик, — старинный и чудесная советская социальность — многонациональный народ могущественной державы, единый в своей преданности делу Ленина—Сталина, в своей нежности к подлым троцкистско-бухаринским и буржуазным националистическим наймитам фашизма — прядут к своим избирательным урям. И миллионы избирателей с чувством гордости и радости будут голосовать за кандидатов непобедимого блока коммунистов и беспартийных:

— За Сталина! За его верных соратников! За лучших людей нашей могучей родины!

— За великую партию Ленина—Сталина! За социализм!

Фото П. Новицкого

Сталин! Его выдвигают народы нашей великой страны первым кандидатом в депутаты Верховных Советов всех союзных и автономных советских социалистических республик. Его имя звучит на всех языках символом борьбы за социализм.

Сталин! С его именем миллионы трудящихся всех стран продемонстрировали 1 Мая свою готовность к борьбе с черными силами войны и фашизма — злейшего врага дружбы между народами мира.

Сталин! На наших боевых знаменах написаны его слова: «Мы стоим за мир и отстаиваем дело мира. Но мы не боимся угрозы и готовы ответить ударом на удар поджигателей войны».

Сталин! Его заботами и любовью окружена счастливая молодежь нашей страны, которая помнит боевой сталинский кризис, прозвучавший десять лет назад на VIII съезде комсомола: «...крепить силы рабочего класса, его бдительность, его революционность... Поднимать боевую готовность рабочего класса против его классовых врагов».

Танки на первомойском параде на Красной площади.

КРЕПКО БОЕВУЮ ГОТОВНОСТЬ!

Фашистские бомбардировщики двенадцать раз атаковали маленький испанский городок Фрагуа. «От городка, упираясь в подножие горы, тянется улица. На ней, уткнувшись лицом в землю, лежит молодой парень. Его белая рубашка в крови. Он как бы притворялся защищать книгу, которая, вскрываясь, как и он сам, лежит около него. Книга — «Я люблю советского писателя Азендио...» (Мар и я и в П р а з д «Фрага». «Известия» от 31 марта 1938 года).

На первый взгляд — незначительная деталь, штрих фронтовой обстановки. Но какой глубокий смысл скрыт в этой детали! Молодой испанец, защитник республики, стрелял по фашистским самолетам, вздохнул за судьбой его русского сверстника. Кто-то из антифашистских борцов умирал с образом советского человека в сердце.

Стоит тысяч, далеких, неизвестных братьев — в горах Арагона или на равнинах Финистера — идут в смертный бой против фашистских орд с душой о Советском Союзе. И если сегодня пришла весть о рекорде Громова, или о снятии паванцев с альпийских, или о разгроме советской разведкой шпионской право-троцкистской банды, — метке стрелает антифашистский боец, тверде его рука, радостнее его взгляд. Или нет ничего дороже для рабочих и крестьян всего мира чем наша страна, ее успехи и достижения, рост ее силы и могущества.

Что делает нашу страну столь памяною любимой миллионами людей на земном ша-

ре? Прежде всего то, что Советский Союз — это социалистическое государство рабочих и крестьян, где человек человеку — друг, где нет богатых и бедных, эксплуататоров и эксплуатируемых, привилегированных и обездоленных. В Советском Союзе нет национальной господствующих и наций угнетенных. Миллионы абсолютно равноправных граждан — мужчины и женщины, взрослых и молодых — занимаются любимым трудом, участвуют активно в социалистическом строительстве. О таком общественном строе давно мечтали лучшие умы человечества. Теперь этот строй записан как закон в великой Сталинской Конституции, и лучи рубиновых звезд Кремля, где создавалась и утверждалась наша Конституция, светят надоедой всему человечеству. Когда в прошлом году на ассирийском выставке в Париже какой-то фашистский господин написал в книге отзывов советского павильона: «Павильон СССР — дым и обман!» — мгновенно на той же странице появилась другая надпись, сделанная рукой французского рабочего: «Пусть волки рычат, а вы, товарищи, продолжайте». Англичанин добавил: «Ваши доказательства обезоруживают буржуазию. Идите дальше, не обращайте внимания на клевету». А итальянец заключил: «Да здравствует Россия, свет и надежда всего мира!» Да здравствует Сталин!

За рубежами нашей страны, зорко охраняемыми славными пограничниками, творят свои кровавые дела бесчестнейший строй капитализма. В Германии, Италии, Японии, Польше, в захваченной германскими фашистами Австрии свирепствует фашизм — тер-

ррористическая политика капиталистов и пощадительная политика рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции. Фашистские правительства ищут спасения от своих внутренних трудностей и растущего возмущения масс в военных авантюрах. Фашистские агрессы уже зажгли пожар войны: за Парейским хребтом и на равнинах Китая, они подготавливают нападение на Чехословакию и Литву. Магнитом вынуждала мало традиция миллионов жертв империалистической войны 1914—1918 годов, и они готовятся выгнать мир в пучину новой, еще более кошмарной войны.

Советский Союз потому любим миллионами людей земного шара, что он твердо и последовательно борется за мир. Фашизм — это захватчицкая война. Фашизм — это злейший враг дружбы между народами мира. Социализм — это мир. Социализм — укрепление дружеских связей между народами — расцвет национальных культур и их взаимное обогащение, торжество великих гуманистических идей. Пример Советского Союза вдохновляет за рубежом нашей страны широчайшие массы рабочих, крестьян, интеллигенции. Начертан на своих знаменах лозунг борьбы за мир, за демократические свободы, за социализм, они укрепляют народный антифашистский и антифашистский фронт. В Испании и Китае народные массы дадут вооруженный отпор фашистским агрессорам. И первомайский праздник страны социализма еще выше поднимает боевой дух испанских и китайских товарищей, укрепляет их готовность бороться до победы.

Растущая международная солидарность трудящихся, успехи народного фронта вводят в бешеную Гитлера и Муссолини, троцкистско-шпунговскую смолочу, все черные силы международной реакции — от фашистских голландских бандитов до агентов «лживой колонии» в республиканском тылу Испании.

Каждый новый успех страны социализма вызывает в фашистском лагере растерянность и бешеную злобу.

Войны и лес капитализма давно бы разорвали нашу страну на части, если бы не с рубежей не стояла наша родная необоруданная Красная Армия, могучий оплот мирового труда — народы СССР, верный страж завоеванной Великой Октябрьской социалистической революции. Фашизм давно бы попытался наложить свою кровавую лапу на СССР, если бы слепая советская разведка не отсекла один за другим троцкистско-бухаринские когти этой лапы. Разгром антисоветского «право-троцкистского блока» был крупнейшим ударом по поджигателям войны.

Каждая победа нашей страны есть победа антифашистских коалиций международного пролетариата, точно так же как каждый успех революционной борьбы зарубежного пролетариата укрепляет положение нашей страны. Об этом нельзя забывать ни на минуту. Характерная черта всех работ Ленина и Сталина об Октябрьской революции — подчеркивание ее международного характера. Величайшие пролетарские интернационалисты нашей эпохи Ленин и Сталин всегда разглядели массам, что окончательная победа социализма означает полную гарантию от реставрации буржуазных отношений, что такую гарантию можно завоевать только совместно с международным пролетариатом, а потому ни на минуту нельзя забывать об интернациональном значении нашей работы, ни на минуту нельзя забывать наши интернациональные связи. «Нужно, чтобы дух интернационализма витал всегда над Комсомолом...» — писал товарищ Сталин в ответе на вопрос «Комсомолец» правды в 1925 году. — Нужно, чтобы успеши и неудачи в борьбе пролетариата нашей страны связывались в сознании комсомольцев с успехами и неудачами международного революционного движения. Нужно, чтобы нашу революцию изучались рассматривать комсомольцы не как самодель, а как средство и подспорье для победы пролетарской революции во всех странах».

Наша любовь к родине неразрывно связана с пролетарским интернационализмом. Советский патриотизм резко враждебен всякому шовинизму. Только то дорого сердцу

советского человека в прошлом нашей страны, что было в ней передового, прогрессивного, революционного, ценного для дела всего человечества. Мы гордимся русским народом потому, что он дал Пушкина, Белинского, Чернышевского, М. Горького. Мы гордимся русским народом потому, что он дал Ленина, что он в лице своего рабочего класса повел все народы бывшей царской империи к ступе капитализма и совершил величайшую революцию. Мы гордимся нашей родиной потому, что в сердце ее, в Московском Кремле, живет и работает великий Сталин, отец и учитель всего трудящегося человечества.

Если задуматься в великий исторический смысл первоначальных азгузов сталинского Центрального комитета — азгузов, с энтузиазмом подхваченных трудящимися нашей страны и всего мира, то мы увидим, что сила их заключается в сочетании пролетарского интернационализма и советского патриотизма.

Патриот социалистической родины — тот, кто борется за то, чтобы СССР превратился в истинную крепость социализма, чтобы во всех отраслях народного хозяйства были ликвидированы последствия вредительского право-троцкистских инжиготов иностранных разведок и был перемолвлен план 1933 года.

Патриот — тот, кто повышает революционную бдительность, разоблачает двурушничество в интересную крепость социализма, чтобы во всех отраслях народного хозяйства были ликвидированы последствия вредительского право-троцкистских инжиготов иностранных разведок и был перемолвлен план 1933 года.

Патриот — тот, кто выдвигает в Верховные Советы союзных и автономных республик лучших людей, преданных до конца делу Ленина—Сталина, кто крепит сталинский блок коммунистов и беспартийных.

Патриот — тот, кто претворяет в дело слова вождя: «Нужно essere наш народ держит в постоянной мобилизованности. Готовность перед лицом опасности военного нападения, чтобы никакая случайность и никакие фокусы наших внешних врагов не могли застичуть нас врасплох...».

Десять лет назад, на VIII Съезде ВЛКСМ, товарищ Сталин произнес свою замечательную речь, которая стала боевой программой Ленинского Комсомола. Товарищ Сталин говорил: «...задача усиления боевой готовности пролетариата является той задачей, которая должна проникать всю нашу работу, пока есть классы в нашей стране и пока мы имеем капиталистическое окружение. С отропной силой звучат сегодня эти слова. Они не устарели и не устареют до тех пор, пока существует капитализм, пока социализм не победит во всем мире.

ВЕСНА

Все вместе мчатся облака,
Гдева толпится на припек;
Исклястивы голы березы,
Несутся быстрые потоки;
Верхушки сосен иберася;
Сквипит под ветром ивкам;
Шумят, крутятся и поблдеия;
Моря, охваченные шквалом;
В обрывах бури даль ясна,
Скворцов к повету призываю...

Друзья! Так вот она, весна,
Природы юности грозозаи!
Восточный ветер юрк и сух...
Когда поет, — внимаю и слушаю;
Всю ночь улавливаю слух
В его раскатах — гром орудий,
И взрыв мостов, и шум колес...
И кажется, за поворотом —
Поля Китаю, желтый дель,
Поштыть стовеском потом...
А с оголазанными морей
Нем кажнвый ветер вез в лизия;
В нем плач испанских матерей
Росей колесом слдятся...
Он горькой влагой напоен,

Туманит и качает город...
Как стружка крови тепел он,
И тепел по щекам за ворот.
И бури немельны тем
Нет-нет, а аяжет на аляко...

Так веет ветры юнк и день
Над светлой родной могой!
Но день и ночь, из края в край,
Поют ей бури, шквалы, воды:
«Есть, страна, расти, мужай,
Ты стала родной ногой!»

Гляди, избранница, вперед...
Ты стала родной Закона!
Весь мир живой к тебе придет
Под первозданной родной ногой!

И но чюам, под шум ветров,
То в бесполокосте, то в покое
Все шепчут губы: «Будь готов!»
Мужает сердце молодое,
А встаеть утром — даль ясна,
К пути и к славе призывая...

Друзья! Да здравствует весна,
Будем юность грозозаи!

А. АДАЛИС

МЫ НЕ ЗАБУДЕМ СТАЛИНСКИХ СЛОВ

Неверно, что у нас нет уже классовых врагов, что они побиты и ликвидированы. Нет, товарищи, наши классовые враги существуют...

Отсюда очередная задача партии, политическая линия ее повседневной работы: подымать боевую готовность рабочего класса против его классовых врагов...

Необходимо также, чтобы задачу эту не считали армянской и спорюпротоджающей задачей, ибо задача усиления боевой готовности пролетариата является той задачей, которая должна проникать всю нашу работу, пока есть классы в нашей стране и пока мы имеем капиталистическое окружение.

★

Второй вопрос касается задачи борьбы с бюрократизмом, задачи организации массовой критики наших недостатков, задачи организации массового контроля синизу. Одним из жесточайших врагов нашего продвижения вперед является бюрократизм. Он живет во всех наших организациях и в партияных, и в комсомольских, и в профессиональных, и в хозяйственных...

Отсюда очередная задача партии: беспощадная борьба с бюрократизмом, организация массовой критики синизу, усиле этой критики в практических решениях по исправлению наших недочетов.

★

Третья задача касается вопроса об организации новых кадров социалистического строительства...

Перед нами стоит крепость. Называется она, эта крепость, наукой с ее многочисленными отраслями знаний. Эту крепость мы должны взять во что бы то ни стало. Эту крепость должны взять молодежь, если она хочет быть строителем новой жизни, если она хочет стать действительной смелой старой гвардией...

Овладевать наукой, выводить новые кадры большевикоспециалистов по всем отраслям знаний, учиться, учиться, учиться — такова третья задача. Обозреть революционной молодежи в науку — вот что нам нужно теперь, товарищи.

(И. СТАЛИН. Из речи на VIII Всесоюзном Съезде ВЛКСМ 16 мая 1928 года.)

ПЕСНИ

антифашистских колонн

Мы дадим фашистам бой!

(Песня батальона имени Тельмана испанской республиканской армии)

Марш вперед, на штурм, товарищ!
В бой с оружием в руках!
Смело в бой, в огне пожарах!
Старый мир разрушим впрах!
Тельман — лозунг и пароль наш.
Тельман, ты вызываешь к нам!
Кариш-оли дух крамольный
Жив и в наши времена.

ПРИПЕВ: Марш вперед,
На штурм, на приступ!
Шаю связной
В глаза фашисту!
Мы с оружием в руках
Старый мир разрушим впрах!

Враг безумствует напрасно:
Не помог ему разбой.
Всюду виден шаг наш красный,
Самшен канц наш боевой.

Тельман, близок день свободы!
Тельман, цепи разорвем!
Подлецов — врагов народа —
Мы с лица земли сотрем!

(Припев).

Пусть на подступах к Мадриду
Снова в битвах льется кровь —
Будут зверги разбиты
В смертной схватке двух миров!
Тельман всюду с нами рядом!
Тельман, мы везде с тобой!
На берлинских баррикадах
Мы дадим фашистам бой!

(Припев).

Перевод с немецкого
П. ЖЕЛЕЗНОВА

Им не осилить!

(Народная испанская песня)

Четверо генералов,
Мамита миа,
Мятеж подняли.
Кто ж этим крошким овцам,
Мамита миа,
Совет такой дал?
Лядюшка из Берлана,
Мамита миа,
Дает советы.
Тетка им шлет из Рима,
Мамита миа,
Свой приветы.
Рвались они к Мадриду,
Мамита миа,
Спешили очень,
Но спотыкнулись крепко,
Мамита миа,
И сели в лагу.
Мост не пройти Французский,

Мамита миа,
Фашистской воере.
Мы генеральской банде,
Мамита миа,
Нагрем пятки.
Четверо генералов,
Мамита миа,
Пускай запомнят:
Верных сынов народа,
Мамита миа,
Им не осилить!
Мы им за наши слезы.
Мамита миа,
Отплатим крепко.
Мы их прогоним в шею,
Мамита миа,
И в море сбросим!

Перевод с испанского Я. РОДИОНОВА

Единый антияпонский фронт

(Китайская народная песня)

Усилим единого фронта оплот.
Поднимем из бой весь китайский народ.
Прогнать интервентов с отцовских
земель —
Вот замысел первый, вот первая цель!
Врагов, несправедливости, свободу, труд,
Наймитов японских, шпионов орду,
Предателей родины взять на приезд —
Вот наша вторая заветная цель!
Все силы страны воедино собрать,

И наши доблесть врагу доказать —
Смыть кровью обиды всех прожитых
лет!
Вот цель наша третья, вот третий завет!
Четвертый завет наш — фашизм победить,
Кровавой агрессии путь преградить!
Поднимем на битву китайский народ,
Усилим единого фронта оплот!

Перевод с китайского В. РУДМАНА

Песня, выказанная гневом и ненавистью к врагу, песня, возмущенная в бой, песня, записанная в сердца бойцов отагу и мужество, — мощное оружие в революционной борьбе.

Ниже мы печатаем народные антифашистские песни, в которых выражено великое чувство международной братской солидарности трудящихся в борьбе против кровавой агрессии фашизма.

Ненависть

(Китайская народная песня)

Как красныи Три Потока¹,
Цить священных гор!
Беспридельна, безгранична
Родины простор.
Мы, от недругов спасая
Труд родной земли,
В десять тысяч ли длиною
Стену возведем.
Словно варвары, японцы
К нам в Китай пришли:
Три провинции отторгли²
И Чапэй сожгли.
В тех местах, где гнет посеян,³ —
Фрукты невкусны.
Неужели в клетке рабской
Мы страдать должны?
Вырвем нашими руками
Нацию из тьмы!
По-верблюдьи синну выгнув,
Ковырять живот⁴ —
Среди нас такой обычай
Мерзкий не живет!
Желтый плащ и флаг драконов
Ненавидим мы!⁵

Перевод с китайского В. РУДМАНА

Чапэй

(Китайская народная песня)

Родной мой Чапэй, ты раздавлен, разбит,
Японская смерть над тобою гудит!
Пропеллером грозным. Но ты плачешь.
Не сдаешь на милость, не пал к их ногам.
Героем погиб ты в кровавом бою!
Любя свой народ и отчужду свою!
И кровь, что ты пролил, твой пепел и дым
Скрепляють китайцев порывом одним,
Жестокую ненависть будят в сердцах,
И жажду бороться, и мстить до конца!

Перевод с китайского В. РУДМАНА

¹ Три главные реки Китая (Хуанхэ, Янцзы и Сицзян), в долинах которых воздвигли и распространили японскими войсками китайскую культуру.

² Три восточных провинции — китайские названия Маньчжурии.

³ Указание на демонстративный способ самоубийства японских самураев — харакиси, или сиюгукэ.

⁴ Жестокое одевание и языка с изображением китайского дракона — символ императорской власти. Песня выражает ненависть и презрение китайского народа к Маньчжурской династии, которую японцы восставили тайно в Маньчжоу-Го и лице бывшего китайского императора Пу И.

Иностранщина

Я впервые услышал треск захлопнувшей двери в тюрьме.

Это очень своеобразный звук. Дверь камеры не имеет ручки ни снаружи, ни изнутри — ее нельзя закрыть, ее можно лишь с силой захлопнуть. Дверь из массивного железобетона, десяти сантиметров толщиной, издает звук, подобный выстрелу. Но этот шум сразу же стихает без эха, без резонанса. У тюрем жестокая акустика.

Когда дверь захлопывается за пленником в первый раз, он начинает оглаживать камеру. Я думаю, что при этом все держится примерно одинаково.

Сначала пленник бего осматривается и отмечает предметы, среди которых теперь будет протекать его жизнь: железную койку, умывальник, окно с решеткой...

Его следующая движением, без сомнения, будет попытка подтянуться на решетке и выгнать в окно. Однако это не удается; только осканда становится белой от шутки-кара. Пленник отказывается от своего намерения, но решает, что он обязательно выучится подтягиваться. У него много шагов: каждое утро он станет заниматься гимнастикой; начнет изучать какой-нибудь язык — вообще не будет поддаваться унижению.

Происчет костюм, он продолжает исследование своего царства — пяти шагов в длину и четырех в ширину. Для пробы ложится на койку. Пружинки сломаются, железные петли вывалятся в тело; он лежит как в гамаке из проволоки. Встает. Делает гримасу. Пленник во что бы то ни стало хочет доказать себе, что он полон мужества и уверенности. Потом его взгляд падает на дверь и он видит, что снаружи, через «шпиона», за ним наблюдает чей-то глаз.

Этот глаз неподвижно стеклянен, и зрачок его необыкновенно велик — глаз без человека. Кто-то будет непрерывно наблюдать за пленником. Это очень неприятно.

Глаз исчезает, тогда заключенный говорит себе: «...Меня ни запугать не удастся, на ночь я заткну эту дырку бумагой».

Эта мысль наполняет его настоящим восторгом. Он чувствует в себе прилив энергии, не подозревая еще, что начиная с этого момента она будет спадать, и подниматься, и снова спадать — в непрерывных зигзагах...

Внешний мир начинает терять для пленника свое реальное значение; он превращается в неопределенный мир грез, в мир воображаемых возможностей.

Пленник знакомится с инвентарем поближе. Вот железный стол и стул, на него-то мы еще не обратили должного внимания. Конечно, стул нельзя отодвинуть от стола; он привинчен. Жаль, а то его можно было бы использовать как ночной столик и положить на него портмоне, платок, папиросы, спички...

Тут он вспоминает, что у него в кармане нет ни бумажек, ни папачки, ни папирос, ни спичек. Настроение падает.

Подойдя к умывальнику, пленник снова обретает силы. Смотря в него, в тюрьме есть водопровод, совсем уж не так плохо, как это представляется на воле. Есть и кровать: на жесткой кровати спать гораздо полезнее...

Артур Кестлер, корреспондент *Оллэй* из английских газет, при визите Малой был арестован фашистами и арестован в тюрьме. Лишь благодаря общественным деятелям он был освобожден.

Его первая книга об Испании — «Испериментальная война» — вышла на русском языке в издательстве «Молодая гвардия». Мы помещаем отрывок из второй книги Кестлера — «Испанское нашествие» — еще не переведенной на русский язык. В этом отрывке автор рассказывает о своем пребывании в фашистской тюрьме.

Настроение снова падает, как только пленник убеждается, что водопровод не работает. И снова подымается от мысли, что вода, наверное, бывает в определенных часах. Барометр падает и подымается, падает и подымается...

Сколько времени он уже находится в камере? Пленник смотрит на часы: ровно три минуты. А ему казалось, что прошла уже целая вечность с тех пор, как за ним захлопнулась дверь...

Шелуха замка — и дверь открылась. На пороге стояли два чиновника.

— Вена, — сказали они, — пойдём!

Я не осмелился спросить, куда.

Слова короткой обман, и мы замаршировали по длинным голым коридорам, вдоль бесконечного ряда закрытых камер.

Он пел и пел...

На нас смотрели заключенные. У каждого «шпиона» в двери по обе стороны коридора видны были прищипки и окоселочу глаз.

Это была шишара из глаз — застывших зрачков, из глаз без людей. Смотришь, обманывавший меня, в хорошем настроении. Протягивая руку то к одной двери, то к другой, он воспроизводит указательным пальцем движение нажима на крючок.

— Бум, бум! — говорит он. — Красные, один красные. Завтра все умрут.

Мне поучилось: мы идем через узину мертвых глаз, и я почувствовал, как мои колени подогнулись.

— Ты завтра тоже умрешь, — сказал смотритель.

В конце коридора была железная решетка. Чиновники отодвинули ее. За решеткой оказалась небольшой коридор с несколькими камерами-изоляторами.

Одну из дверей открыли. Получил пинок в живот, я влетел в камеру. И снова за мной захлопнулась дверь.

Обстановка такая же, как и в той камере, которую я покинул, только окно выше и меньше. Над койкой стена забрызгана кровью. Очевидно, это свежая кровь: в воздухе еще пахнет кровью.

Я лег на железный матрац. Не было ни тюфяка, ни одеяла. Через окно я слышал отдаленные выстрелы, затем залп, потом снова выстрелы, всемерещась с криками. Эти крики звучали в ушах и тогда, когда кричавший уже замолкал навеки, как будто ухо сфотографировало звука. Потом я забылся.

...Когда я проснулся, свет был еще очень, очень неопределенным; меня разбудила какой-то звук. Я прислушался: кто-то пел. Это было где-то близко. Наверное, это пел заключенный в одной из камер напротив. Я приподнялся и почувствовал, как у меня замерло сердце: заключенный пел «Интернационал».

Я читал репортажи о германских тюрьмах и концентрационных лагерях. О пении «Интернационала» заключенными как политическом протесте, как последней демонстрации пишут часто. Мне эти описания казались чересчур мелодраматичными и неправдоподобными. Теперь я слышал сам, как человек, который знает, что должен умереть, пел «Интернационал».

Хриплый, мелодичный голос звучал невыразимо трогательно. Человек повторил гримас два — три раза, хрипло, медленно, чтобы протянуть время, чтобы снова вокруг него не наступила тишина. Я встал и подошел к двери, я стоял, как парализованный, стуча зубами, стоял с поднятым кулаком, как на собраниих в Мадриде и в Валенсии. Я был уверен, что во всех остальных камерах так же молча, с поднятыми кулаками, прощаются, стояли другие заключенные.

Он пел и пел. Я видел его перед собой: заросшего, избитого, окровавленного лицом, с мукой в глазах.

А ведь те должны были его слышать; они придут и изобьют его до смерти. Как мы его любим! Никакая сила не могла закрыть его рта. Он пел и пел...

Перевод с немецкого Л. Герасимовой

УСЛОВНЫЙ ЗНАК

Плывут облака над нами —
 Огромные корабли...
 Лежат
 За родными лесами
 Просторы чужой земли.
 Там люди
 Дорогами ходят —
 Мои и враги и друзья.
 Я знаю:
 Печалью
 Бродишь
 С друзьями,
 Родная моя,
 От печного гора
 Печи
 Сковал
 Неведомый страх...
 Скажи мне:
 Как же при встрече
 Тебя и узнаю,
 Сестра?
 Скажи мне:
 Как же твой голос
 Услышу в крике немых?
 Ведь всех вас
 Заменяю годок
 В фашистских тюрьмах глухих.
 Плывут облака над водами —
 Огромные корабли,

Принесенные ветрами
 С просторов чужой земли.
 Суровый и теплый,
 Как море,
 Ответ твой
 Идет ко мне:
 — Ты встретишь меня на дозоре
 У баррикадных огней.
 Мех тысяч
 Живых и мертвых
 Не знаешь,
 Узнать меня как?
 Запомни,
 Товарищ,
 Твердо
 Вот этот условный знак:
 Когда мы
 Маршем стовзновым
 Откроем
 Свободы парад,
 И с флагом встану в колонну,
 Тебя приветствуй, брат!
 Но если ослабнут пальцы
 И наземь
 Повалят смерть, —
 Отгнем
 На холодном асфальте,
 Как флаг,
 Будет сердце гореть.

Перевод с белорусского А. КЭ ПЕРШОКА

СИМФОНИЯ ШУБЕРТА

А. МАКАРЕНКО

У жи, как обычно, был в шесть часов. За ужином секретарь совета бригадира Виктор Торский прочитал приказ:

« Несмотря на героическую штурмовую работу колхозников бригады, остается еще много дела. Поэтому совет бригадиров постановил: сегодня время с восьми часов вечера до трех часов ночи считается как рабочий день с перерывом на обед в одиннадцать часов. Рапорты бригадиров — в три часа пятнадцать минут, девять, по тридцать. Запра весты в парад у десяти часов. Пароходы марша — Захаров ССК — Торский».

Производственный корпус, новенький, двухэтажный, с балконом... На свежескрашенном полу ничего нет, кроме блестящего, шепотом распростертого мешок приглашает вытереть ноги. Под левой стеной выровняли в длинной шеренге токарные «кармли» и «шлангеры», пережелезные высокие худими сверлильными станками. А между этими рядами разместились сложная семья зуборезных и долбежных станков. Четыре ряда фанерей, еще без абжурок, заливают ровным светом стены, потолка и ступени. Колонисты по одному, по два вбираются на балконы и любоваются этим великолепным итогом многолетних своих трудов — новым советским заводом, настоящим заводом, который завтра будет торжественно открыт.

Зато в самой колонии не управались. И в главном здании и в антере «А», где риснее успели устроиться. В колонии сейчас точно после погрома. По всем комнатам, по коридорам разбросана мебель, валяются ключи бумаги, куски фанеры, стоят у стены рамы, лестницы, пеленки...

Мы поехали главу из нового романа писателя А. Макаренко о тридцатом имени И. Мая. Герои этого романа Виктор Торский, Головин, Зырянский — бывшие беспощадно превращаются в полечных граждан Советского Союза. В этой главе рассказывается о личном архиве и колонии накануне 1 Мая, перед пуском завода, построенного колонистами.

Торский — в кабинете Захарова. В кабинете, как в боевой рубке. Против Торского сидит садовник и просит:

« Это ничего, что ночь, вы же все равно будете работать... А цветы кто пригонит? Вы же мне обещали давать по десять человек, а давали по пять».

Торский смотрит на садовника и бурчит: « Днем вам дали сорок человек, днем мы решили все кончить, а ночь оставили для себя. А теперь вы опять просите. Это же ночь, пойте, это — наше время!»

« Товарищ, так и розы ваши и гвоздики ваши... Я же не успею...»

« Сколько вам? »

« Десять человек. »

« Три. Похожий, дашь из твоей бригады тронь? »

« Виктор... Да откуда же я возьму? У меня театр! »

« У тебя все комсомольцы. Управшись. Давай. »

« Ну, есть... недовольно тиет Похожий и вытаскивает из кармана блянок, чтобы выбрать для садовника самый слабый блянок комплект. Садовник все же облизывается от удовольствия. Торский напоминает ему: »

« Только с восьми! Алексей Степанович сказал: до восьми — полный отряд. »

« Бриджер оркестра, тотый, краснотный Люшков, прощупал этот драматический отрядом и ищет потихоньку. Через пять минут откуда-то доносится слабый сигнал.

Заведующий колонией Захаров, подняв голову от бумаг, спросил удивленно:

« Почему сигнал? »

« Дежурный бригадир маленький Руднев сорвался со стула: »

« Да что же это играет?.. Сигналка — вон лежит! »

На маленьком столике лежала длинная труба с белой лентой. Никто в колонии не имел права давать сигнал, кроме дежурного трубочу по приказу дежурного бригадира.

« Это они сами... сами играют... Нахально играют «сбор оркестра!»

Руднев смеется и воприсительно смотрит на Захарова: »

« Разогнать? »

« Жаль... Знаешь что... пусть они... поиграют, ведь у них завтра концерт. »

Захаров вышел в коридор. У окна стоял главный инженер Василевский, сухой, строгий, прямой, как всегда. Еще осенью он не верил ни в колонию, ни в колхозники... По коридору пробежали озвобоченные малыши: они спешили закончить личные дела к восьми часам. Увидев Захарова, Василевский отогшел от окна: »

« Подъемте послушаем музыкантов, они разучивают прекрасную вещь, я уже два раза слушал: симфонию Шуберта. »

В будущей физической аудитории, где уже стоят стелжальные шкафы, за сложными муршальцами кажется, что их страшно много. Бриджер отделяет симфонию Шуберта. Захаров и Василевский присели в стөрочке.

Захаров устал, но нужно приготовить к себе больше усталости, и поэтому хорошо присогнитесь головой к холодной стене и слушать. Он развигает в сложном тесном ошюке до улыбки, до кавризу, до восторженную песью, то вразительный нот, то торжественный звои. Пять лет на-

зад он создавал этот замечательный оркестр, который считается теперь одним из лучших в стране.

Сорок мальчиков, сорок бывших бродяжек, играют Шуберта. Они поглядывают на Захарова и, вероятно, волнуются.

Дирижер кривится и бессильно опускает руки и голову — музыка нестройно обрывается.

Дирижер смотрит на Голованя — большой барабан. Захаров еле заметно улыбнулся: он знает, сколько мучений испытал дирижер, пока нашел охотника на этот инструмент.

Сколько у тебя пауза? — страдальчески-вяло спрашивает дирижер.

— Семь, — отвечает Голованя. — Семь! Помнишь, семь? Это значит шесть плюс один, или пять плюс два, но не три, не три, помнишь, не три! Надо считать!

— Я считаю.

— Наконец, надо на меня смотреть.

— И на вас смотреть и в ноты смотреть, — говорит Голованя недовольно баском.

— Что тебе в ноты смотреть? Написано семь, сколько вы смотри, так и останется семь.

— Вам хорошо говорить, а мне делать нужно.

Мальчики хохочут, смеется дирижер, смеется и Голованя.

— Чем вы его накормили сегодня? Сначала!

В восемь часов вышел на площадку лестницы Володяка Ветунок и проиграл сигнал на работу. С лестницы спускаются девочки в красных косынках. Сегодня их девять героиня задача — навести блеск на все окна, на все стекла шкафов, на все ручки.

Первая бригада Володякова развешивает по аудиториям, спальням и залам портреты и зеркала — этой работы ждет на всю ночь. Не меньше работы досталась и третьей бригаде: на всех дверях надо прикрепить стеклянные голубые таблички, на которых золотом написаны названия комнат. Шестнадцатая бригада девочек приводит в порядок столовую. Шестая натирает паркет. У каждой бригады своя задача, — и задача большая.

По всем коридорам и залам рассыпала свою агитацию четвертая комсомольская бригада, пользующаяся сегодня монопольным правом переносить мебель из помещений в помещения. Уже в начале вечера бригаду назвали «Союзтрансом». «Союзтранс» доставляет грузы по указанию дежурного бригадир и об их дальнейшей участи не заботится. Вот принесли из столовницы огромные шкафы для химической лаборатории, вот притащили из подвала несколько аэрал, доставляя в классы де-

сятки столов... И вот уже весь «Союзтранс» отдыхает в кабинете, а бригадир Сребенев говорит усмехаясь:

— Бирка туалета!

В кабинете же сидят пять—шесть мальчишек, несущих службу связи. Этим сегодня придется побегать. Для связи малыши незаменимы.

— Володяка, — говорит Захаров, — срочно Зырянского!

Володяка очень хорошо знает, насколько было бы издевательским спросить, где может находиться Зырянский. Володяка дрыгает рукой (это значит салют), шепчет «ест» и вырывается в коридор. В коридоре он нюхает воздух и бросается к дверям тихого клуба, потом останавливается и вдруг летит в противоположную сторону, проносится по ступенькам лестницы, проносится по коридору второго этажа, перелезает через восток, сбегает на перилки, и вот он уже в спальне № 39 дергает за ручку Зырянского:

— Алена, в кабинете!

Алена спешит в кабинет, а Володяка неслыша бредет за ним, и по дороге его зоркие, памятливые глаза замечают, где расположены бригадир и другие нужные люди.

В тихом клубе сосредоточены главные силы малышек. Здесь они под руководством учителя Маленького устраивают три уголка: Ленина, Сталина и 1 Мая.

Ах, сколько здесь дела, сколько дела! Сколько метров материи, сколько картонок, рамок, постертов, букв, гвоздей, кипок, картонки, золотой, серебряной и красной бумаги! Весь тихий клуб в обрешках бумаги, везде стоят банки с клеем, стучат молотки и стрекочут ножницы. Малышки то сосредоточенно работают, то шепчут и спорят, то в мире с Маленьким, то в конфликте, но дело все же подвигается.

Здесь же работают и два папана из Кролевца: Воложук и Колеико. Они прибыли в наш город неделю назад, специально в колонию имени 1 Мая. В совете бригадиров они заявили, что желают жить в колонии. Совет бригадиров долго расспрашивал их о разных семейных обстоятельствах, но мест в колонии все равно нет. Дежурный накормил кролевских парнишек обедом, а после обеда они поплакали и куда-то исчезли. На другой день малышка снова заявила, сидит на крыльце и ждет. Захаров увидел их и сказал Торскому:

— Что сидят? Отведите их в приемник.

— Они уже там были.

— И что же?

— Да вот опять пришли...

— Идите в приемник, вас в колонию не принимали.

Они связались, а сегодня к вечеру снова дружно забавулись. Торскому и откровенно заявил прямо из работы в тихий клуб. Один из них курносый, круглолобый, с чмы-

ми серыми глазами, второй — дурнравливее и похитрее. В тихом клубе они что-то прибавляют маленькими молоточками и рассаживают:

— Батюки и мамы давно нету... Ни... Мы горошины. Та у мене бабка есть, а у Воложучка никого, так ниш... корою. Там корою у городин у какого... Про колоно давно прочули, наши платочки тут робышки. Чого бабкам жалко? Бабка не проплаз, ей люди помоху.

Малышки к этой паре относятся сочувственно, иначе не дали бы молотков в руки.

К обеду много работы было уже сделано, и Захаров с Торским пошли проверить. Зашли и в тихий клуб. Уголки почти готовы, остались последние мазки, по полу уже прыгают члены шестой бригады: нагариют полы. Кролевские парнишки чуть вырезывают ножницами.

— А эти чего здесь?

Кролевские задрали головы и молчат. Только у Колеико в одном глазу адролка маленькая слеза. Торский азд Захарова за пуговицу:

— Да пусть они уже остаются... для праздника.

Захаров положил руку на круглую голову мальчугана:

— Добре. Таки их к доктору.

— Да доктор снит, авверное.

— Ничего не снит. Колька в больничке под натирает.

В коридоре заиграл сигнал на обед. Комонисты потянулись в столовую. «Союзтранс» пронес на плечах несколько спящих малышей...

В десять часов утра отдохнувшие, розовые, в парадном блеске, с вензелями на рукавах, комонисты выстроились против шестиков. За шестиками сверкали наметы окна их колонии. Пивоцка перед новым заводом была посыпана песком.

— Под ясны, смирно!

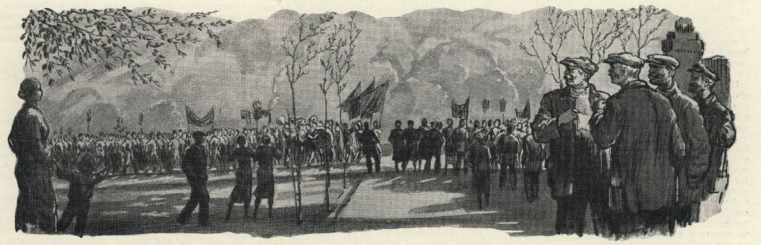
Взвнувшись, подняли руки в салюте. Оркестр затрепет знаменным марш. Взаполнованные и строгие вышли из главного входа знаменщики. Еще через минуту пятачок членов колонии имени 1 Мая, до восьми в ряд, ирра на солнце всеми красками радости и молодости, маршем пошли в город. Сейчас у них нет никаких долгов перед людьми: все сделано, все поставлено на место.

Вышли на шоссе. Справа столбец к парадной рабочей машиностроительного завода. Люди уступают дорогу комонистам. Между рядами мужчин и женщин, разрывая воздух вздохами оркестра, гордо проходит пятачок юношей.

Машиностроительному заводу салют! Пятачок ружь испоркуди над головами.

Лица у ребят розовеют под солнцем. Они смеются и аплодируют.

Рис. В. Копылова.

Разрывая воздух вздохами оркестра, гордо проходят юноши...

ЖИЗНЮ АМЕРИКИ

Из книги «Измени мир!»

Советский читатель знает Майкла Голда по его рассказам и стихотворениям, посвященным жизни и борьбе американских рабочих («Проклятый автатор», «120 миллионов»), в авторском журнале «Мир» («Американская беднота»). Последние годы Голд сотрудничает в центральном органе американской компартии — «Дейли воркер». Здесь под обим заголовком «Измени мир!» он ежедневно публикует фельетоны и очерки, дает яркие зарисовки американского быта, отсылкая на различные события политичекой жизни страны.

В публицистике Голда большое место занимает молодежь и ее проблемы. Лучшее из очерков Голда составил итальянцу книжку «Измени мир! Мы начинаем твой очерки из твой жизни».

1. ОЧЕРЕДЬ

Длинная очередь тянется через весь двор... В очереди — не меньше духоты человека. Каждую минуту прибывают новые люди. У двери четыре рослых полнотелых человека; никогда не знаешь заранее, что здесь может случиться.

Вот уже не одна очередь, а две. В каждой не меньше двухсот рабочих. Стоят, прижатые к стене. Четверта человек. Ждут. Ждут часами. Ждут, пока все тело не занеет. Ноги, спина, плечи...

Скажи нет. Вернее, есть одна. Скамья на четырех человек у стола регистратора. Здесь вручается заявление о пособии. Здесь нас проверяют. Это длится часами. А очередь стоит и ждет. Ждут. Пока все тело не занеет. Ноги, спина, плечи...

Вот почему никогда не знаешь заранее, что здесь может произойти. Вот почему каждые десять минут слышен гудок полицейского автомобиля. А что, если этим безработным надоеет ждать? Что, если им осточертеет стоять у стены, передвигаясь по вершину в час? Что, если они пустят в ход свои руки, жесткие и твердые, как железо, от многолетней работы, а теперь повисшие, как плети? Что будет тогда? Тогда выйдут друг друга необходимые пособия, потому что каждый из них знает нужду другого. Вот почему здесь так много полнотелых и кажде десять минут проекажет полицейский автомобиль.

Один раз нечто подобное случилось... Люди в очереди потеряли терпение.

Все началось с реплики одной женщины, рослой, крепкой шведки. Она простояла в очереди несколько часов. Если вы никогда не стояли в очереди за пособием, вы не знаете, что это значит. Вы не понимаете чувства, которое овладевает теми, кто часами стоит, как животное, в ожидании подаяния...

Город создал бюро пособий. Заправками города вынуждены были создать это бюро. Но оно осложнило процесс выдачи пособий бесконечными бюрократическими проволочками. Пособия выдают скупо, неохотно. Рабочий — не злодей. Они лучшего не заслужили. Бесжалость? Еще что! Радуешь, что спасают от голодной смерти на улице! Радуешь, что не дают замерзнуть зимой! На косяки перед богатством, благодаря его за то, что у него недрая рука и туго набитый кошелек!.. Благодаря его за чек, рассчитанный на четырех, чек который едва может прокормить одного! Благодаря за оплату квартиры, удвоенной доплатой!

Все это осточертело рослой, крепкой шведке. Внезапно она вышла из очереди, так, просто вышла и уехала в кресле регистратора. В кресле регистратора! Представьте себе такое нахальство! Но она села, сложила руки из широкой груди и стала жалеть! С минуту толстый полнотелый отравительный розгой молча галдел на нее. Потом он попросил ее возвратиться в очередь. Она отказалась. Она сказала, что ей опротивело стоять в очереди. У нее дети на руках, хозьяство... Не достаточно ли ползати на четвереньках из-за куска хлеба? Ее ли вина, что муж остался без работы? Она требует, чтобы ее обеспечили! Она отгадывается вперед жалкими вершиками!

Полнотелый сказал:

— Встань и убирайся отсюда!
Но он забыл кое о чем. Он забыл, что четверта человек в очереди чувствовали то же, что и шведка. Он забыл, что ее слова были их словами, ее мысли — их мыслями. Он думал, что имеет дело с одной женщиной, а оказался лицом к лицу с четырьмя людьми и страдавшими, озлобленными людьми.

Шведка отказалась оставить кресло. Полнотелый подошел к ней и взял ее за плечо. И тогда это произошло! Казалось, что он схватил за плечи четверта человек: так

Демонстрация нью-йоркских рабочих по поводу паровских нападений итальянских фашистов на коммерческие суда в Средиземном море. Плакат, который несет первый демонстрант, гласит: «Против фашистского пиратства! Поддержите советскую политику коллективной защиты мира!»

быстро задвигались обе очереди. Казалось, что из одного горла вырвался крик: «Пусти!»

Не один, а десяток полицейских автомобилей, гудя сиренами, повнеси к бюро. Казалось, были вызваны все поливские города. Но никого не арестовали, кроме руководителя участкового совета безработных. Этого руководителя полиции уже давно хотела прибрать к рукам. Его арестовали, но разве можно арестовать разрывающуюся бурю?

Было нечто такое, чего не арестуют, что жило в мыслях этих четырехсот людей, стоявших в очереди, в мыслях миллионов других рабочих, разбросанных по всей стране, то, что вышло отражение в словах женщины, которая вышла из очереди и уехала в кресло.

Это только короткий, незначительный эпизод в классовой борьбе. Это была бы попытка за краску. Газеты писали об этом как о беспорядках. Но придет день, когда это будет бой не за краску а боро побору, а за власть. И не четверта человек будут принимать в нем участие, а миллионы!

2. ЗАВОД-КОНЦЛАГЕРЬ

В течение многих лет легенда о Фордизме использовалась в капиталистическом мире как довод против революции. Генри Форд, повествовала легенда, вел чужой капитализм. Высокая заработная плата и короткий рабочий день в сочетании с изумительной техникой производства довели наседла уничтожить нищету и безработицу. Форд—спросенный капитализм. При системе «проспенного капитализма», утверждали исторические поклонники Форда, рабочие могут спокойно предоставить заводы и фабрики капитализму. Пусть капиталисты получают свою долю. Все равно капитал не будет принадлежать через край; капитализм сумеет дать рабочим больше чем социализм.

Социал-демократические лидеры переплывали Атлантический океан, чтобы посетить Детройт. Возвратившись на родину, они пытались успокоить гонимых рабочих фальшивой легендой о фордовском дарстве всеобщего благополучия.

Да, это была популярная легенда! Но во время кризиса она лопнула как пузырь, лопающийся в звуках и треске извращения тонноторное зловоние. Тысячи фордовских «счастливцев» бродят теперь по улицам и закоулкам Детройта, добывая пищу на мусорных помойках. «Братство» Генри Форда, ком увлечен заребанными барышью, чтобы беспокоиться о людях, которые его обогащают и которых он вышвырнул потом как ненужный хлам. Когда в Детройте пришли к Дирбори просить помощи, «благотельники» Форд встретил их ружейными выстрелами и слезоточивыми бомбами. Трое были убиты, много ранено...

Эта репрессивная политика конец либеральной болтовне о фордовских «благотельниках».

Фордовский завод в Детройте—один из величайших американских предприятий, гораздо более интересней, чем, например, Гранд кзыон (Великое ущелье) или Ниагарский водопад.

Этот сказочный завод простирается на сотни квадратных миль. На его территории фордовские каменнотрусовые колы, руины, фордовские реки, дои и озера, фордовские леса, каучуковые плантации и хлопковые поля.

Этой империей управляет один человек. Он замечательный специалист своей, ограниченной области. Во всем же остальном это—мелкое, ядовитое существо, скверное, самовлюбленное, подозрительное, яростно отрицающее свои капризы, не останавливаясь при этом даже перед кровопролитием. Он деспот и самодур, человек с психологией более провинциальной чем у сельского баггиста.

Какой неслепотой будет казаться через пятьдесят лет, что такой человек имел власть над жизнью и смертью сотни тысяч людей! Лас поражают римляне, терпящие Каллигу и Нерона, но наши потомки будут еще в большей степени удивлены крайней покорности Генри Форду и ему подобным!

Дирбори—предместие Детройта. Это—царство Форда. Здесь все: мэр, судья, газеты, школы, полиция, уаши, бары—принадлежит ему, Форду. Это напоминает гитлеровскую Германию. Покорные племена, которые в поисках «овсяных мышей» подслушивают каждое шопотом сказанное слово. Единственное, чего не хватает,—это залюта «Гейль Форда» Форд контролирует кинофильмы, преподавание истории, идеалы, внушаемые детям, передовые статьи... Он укманает, когда ложиться спать, регламентировать цены трамвайных билетов и акк-

доты, которыми можно обмениваться в публичности.

Америка считается царством индивидуализма, однако нигде нет большего насилия над личностью чем, например, на заводах Форда. Капиталисты мечтают о стране, населенной немymi работоспособными рабами.

Рассказы о том, что Форд прерывает своих рабочих в автоматах, икуть не преувеличены. Фордовский конвейер—могучее орудие угнетения человеческой личности. На заводе повоксю мясные лица и маленькие бегущие глаза смущено, шлоны и надсмотрщиков. Едва ли не на каждом рабочем приходится по шпону.

Рабочим не разрешается разговаривать между собой. Существуют правила, запрещающие двум или трем рабочим одновременно посещать уборную; за уборными постоянные надзиратели...

Фордовский завод—место пыток и постоянного гнущего страха. Страх читается в глазах у всех этих загнанных людей. Никто из них не уверен в том, что завтра не окажется на улице, рядом с тысячами своих товарищей—рабочих. Никто не уверен в том, что авария не выбьет его из строя, разом превратив в забытую, никому испуганную жертву.

На конвейере я видел трюх рабочих, которые недавно стали калеками. Двое из них работали только одной рукой. Это «филантропия»; Генри Форд разрешает калекам продолжать работать, застраховывая себя этим от необходимости выплачивать пенсию.

В одном из цехов работают только пожилые женщины. Многие из них по возрасту уже не место на заводе; это вдовы рабочих, погибших от аварии. Генри Форд не выдает пенсии, но он милостиво разрешает вдовам работать на него. Ходит слухи, что на фордовском заводе и дня не проходит без смертного случая. Газеты об этом никогда не пишут, а Генри Форд берет эту тайну, как Гитлер тайну своих убийств.

Нужно не менее года посвятить изучению Детройта, чтобы узнать все мрачные детали фордовской «филантропии». Больше всего Форд боится профессиональных союзов или какой бы то ни было другой формы саморганizations своих рабов. Но и на фордовских заводах, как в гитлеровской Германии, находятся отвратные смельчаки, которые действуют несмотря на террор. И здесь распространяются листовки, проводятся

агитация за профсоюзы, стены уборных пестрят лозунгами и призывами к борьбе. На конвейере рабочие часто находят газеты, выпущенные коммунистами фордовского завода. Рабочие не выдают коммунистов.

Каждый житель Детройта и Дирбори—если только он не шпун и не продажная душа—ненавидит Генри Форда. Итиски Детройта и Дирбори хорошо знают цену «великому таланту» и его злобному концлагерю.

3. МОЛОДЕЖЬ

Однажды вечером в Нью-Йорке я проходил мимо арсенала Национальной гвардии, близ шестой авеню. Арсенал своими уашиными арками, бастонами и зубчатыми стенами напоминал средневековую крепость.

Внутри этой крепости раздавались громкие звуки барабанов и горнов. Ввод изможденных юношей—продавцов, клерков, бухгалтеров—маршировал в учебном зале под суровым взглядом седого сержанта, с грулым, выпяченной как у зобастого голубя.

К какой войне готовили этих юношей? Против кого? Против японцев? Против Страны советов? Может быть, против бастующих братьев-рабочих? Никто из юношей этого не знал. Они двигались с бессмысленными знаками, как автоматы.

В толпе праздных прохожих, собравшихся у арсенала, я наблюдал за юношами сквозь решетчатые окна. Вдруг раздался шум, треск, крики; столкнулись два автомобиля. Толпа бросилась к месту аварии. Такси, круто повернув, уадрилось от открытого автомобиля, стоявшего у тротуара. Тело шофера такси беспомощно повисло над рулем. Пена выступила на его губах. Он блеснул в страшном припадке. Мы выскли его из автомобиля.

Я узнал шофера. Молодой еврей, мобилизованный во время мировой войны. Мы вместе выросли в Ист Сайдэ—бедняцком районе Нью-Йорка.

Война распластала его нервы, так же как нервы миллионов других молодых людей. Но у него была семья, и он, больной, принаужден был работать, чтобы прокормить детей. Если бы стало известным, что он инвалид, у него отняли бы право на управление автомобилем. Родина, ради которой он потерял здоровье, теперь отказывался от

Молодые американцы в трудовом лагере. За изнурительный, безрадостный труд оия получают солдатскую походную кравть, иску сува и пять долларов в месид... (Омскок по журналу «Властик Америки»)

него. Он не был настолько болен, чтобы доказывать свое право на пенсию. В 1917 году он был одним из агентов. Я помню этого юношу. Он был восторженным патриотом в отличие от многих других молодых людей, которые пошли на войну, подгоняемые бичом принудительного набора.

Бедная, разбитая юность! И это—все, что твою страну дала тебе! Это награда за твою преданность...

Плохо было подрастающему поколению во время мировой войны. Но, присматриваясь к окружающему, я вижу, что наша молодежь живет в гораздо худшее время. Никогда еще молодежи не сбегалось под таким тяжелым ирмом!

Это поколение не знает, что такое постоянная работа. Рассказы о такой работе давно стали легендами. Теперь невозможно устроиться в какой-нибудь большой фирме, своевременно работать долгие годы, держать язык за зубами, приглядываться, изучать, готовиться и постепенно повышаться в должности...

Теперь миллионы молодых людей Америки попадают из школ и семей в пустыню. Они праздно шатаются по улицам, становятся азартными бильярдистами. Выяснено, что больше миллиона молодых людей и девушек бродит по дорогам страны. Это—покое поколение «хобби»—босков: не прежние боски—искатели приключений,—но голландия армия, στρατεύουσα на стране в товарных вагонах в поисках работы и хлеба.

Что предлагает правительство молодежи? Жизнь в трудовых лагерях. Тяжелую, черную работу за 30 долларов в месяц, из которых 25 отдаются родителям. Таково будущее наших молодых людей, будущее без мечты о любимой работе, о семье, солдатская похоронная кроватка, пахнущая 6-8 долларом в месяц на радости жизни...

Это—их будущее: работа в лагерях и война. Многие «либералы» (они всегда готовы «помочь» в тактике, но не в политике) предлагают обладателем капитала миллион монополий, переведя их из товарных вагонов и бильярдных в лагеря. По крайней мере, у индустриальной олигархии должна быть голова, хоть какакой-то работа... Не лучше ли это чем ничего?

Нет, не лучше. Если кастрировать здорового мужчину, не надо жаловаться на него благодаря. Наши юноши чувствуют, что их жизнь выхолощена. Они чувствуют, что жизнь их ненормальна. Разве нормально отобрать у молодого человека его будущее рабочее, гражданское, отцов, отправить его в частную военную школу?

Фашисты повсюду делают отчаянные попытки организовать молодежь для своих кровавых целей. Гитлер, Муссолини, в Англии Мосли члдоушают демаршевой общаю молодежь, обещая ей «новую жизнь» при фашизме.

Но как живет молодежь в фашистских Италии или Германии? Что получают молодые люди этих стран кроме военных упражнений и трудовой дисциплины? При капитализме нет будущего для молодежи: фашиствующий капитализм роет ей могилу.

Фашисты рассчитывают на обманутую молодежь как на свой козырь в грядущей мировой войне.

Но миллионы молодого поколения уже начинают осознать свою историческую роль.

Они начинают понимать, что только в социалистическом мире молодежь найдет себя. Социалистический мир—мир творческий, в котором каждое предание, каждая цель, каждая задача для стройки прекрасного будущего... И по отношению к американской молодежи особенно правдиво звучат слова: «Еще ничего не терпели, еще ничего не знали. Да фашизма ты только знала, только одурманенное стадо, голое мясо как пушное мясо. В мире социализма ты будешь хозяйном своей собственной судьбы!»

Перевел Р. Магидов

Немецкий город Трир, где родился Карл Маркс (с рисунка 20-х годов XIX века).

КАРЛ МАРКС

Н. МЕЩЕРЯКОВ

Творец научного коммунизма, величайший гений человечества, Карл Маркс родился сто двадцать лет назад—5 мая 1818 года в Германии, в городе Трире. Отец его был адвокатом. В числе близких знакомых отца Карла Маркса был Людвиг фон Вестфален. С его дочерью Женин Карл подружился еще в детстве. Воспитанием они горько любили друг друга и Женин стала женой и верным товарищем Карла во всех его трудах и борьбе.

Уже в гимназии Маркс обнаружил незаурядные литературные дарования и самостоятельное мышление. «Если он человек»,—Н. М. работает только для себя,—писал Маркс в ученическом сочинении «Размышления юноши при выборе профессии»—то он, конечно, может стать знаменитым ученым, а великим мудрецом, прекрасным поэтом, но никогда не может стать совершенным, истинно великим человеком» (Маркс и Энгельс, т. I, стр. 420—421).

Блестяще окончив курс гимназии (в это время ему было всего 17 лет), Карл Маркс поступил в университет. Отец Карла хотел, чтобы его сын стал юристом, поэтому сперва Маркс занялся юридическими науками, но потом бросил их и перешел к истории и философии.

Маркс всякому делу отдавался со страстью: он работал дня и ночи. Он изучал юридические науки, философию, историю литературы и искусства, переводил с греческого и латинского, занимался естественными науками, итальянскими и английскими языками. Он написал за это время несколько работ, но потом, деловой мир, безжалостно сжег их. Он доработался до полного переутомления. Врач потребовал, чтобы Маркс отдохнул. Маркс послушался, но очень слабообразно провел свой отпуск. «Обо время болезни»,—писал он отцу,—и познаю себя с Гегелем, от начала до конца, включая большинство его учеников» (Маркс и Энгельс, т. I, стр. 437). А сочинения Гегеля принадлежат к числу труднейших для чтения книг.

В 1841 году Маркс окончил университет и хотел заняться чтением лекций в университете в Бонне. Но он был прежде всего революционером: темперамент бойца увлек его из области философии в область политики.

Пруссия, наиболее крупное государство Германии, была в то время самодержавной монархией. Буржуазия, еще только нарождающаяся, а потому слабая, была лишена политических прав. Она сама хотела стать в стране господствующим классом и вела против монархии борьбу, но борьбу робкую, нерешительную. В 1842 году Маркс был революционным демократом, требующим революционной ломки феодальных пережитков, ломки австрийского, крепостнического земледелия и королевской власти, сторонником демократической республики. Либеральные вожди буржуазии задумали издавать в Кельне новую газету. Маркс, которому в то время не было еще и 24 лет, был приглашен стать одним из ее сотрудников. Маркс согласился, и 1 января 1842 года вышел первый номер «Рейнской газеты». С осени 1842 года Маркс стал ее главным редактором. Газета требовала всеобщего избирательного права, уничтожения постоянной армии, свободы слова, печати, собраний.

В марте 1843 года «Рейнская газета» была закрыта прусскими правительством, и Маркс вместе с женой уехал из Германии во Францию, в Париж, чтобы заняться там вместе со своим тогдашним другом Арнольдом Руге изданием и редактированием замечательного журнала «Немецко-французские летописи». Однако главная его работа в это время состояла в изучении сочинений французских социал-демократов и истории классической буржуазной революции во Франции конца XVIII века.

В конце августа 1844 года на пути из Англии в Германию заехал в Париж молодой Фридрих Энгельс и здесь встретился с Марксом. Продолжительные беседы Маркса и Энгельса показали полное совпадение их взглядов по всем вопросам философии, экономики и политики. Оба они прошли перед этим через школу философии Гегеля, оба знали из нее то, что было в ней правого и революционного (диалектический метод), и оба поняли необходимость, отбросив идеалистическую основу гегелевской философии, сочетать диалектику с материализмом. Эта встреча задала на всю жизнь самое

тесные, дружеские отношения между Марксом и Энгельсом. Они решили немедленно приступить за критический пересмотр широко распространенных тогда философских теорий ученика Гегеля — сторонника идеалистической философии. В результате этой работы ими была написана совместно (главным образом Марксом) книга «Святое семейство», вышедшая в марте 1845 года. Вторая совместная их работа того времени — «Немецкая идеология», написанная в Париже и посвященная критике философско-политического идеализма, не была напечатана в свое время, так как не нашлось издателя. Она была издана впервые в СССР в 1930 году.

Живя в Париже, Маркс вращался в кругах немецких эмигрантов, которых реакционное прусское правительство заставляло покинуть родину. Маркс вел революционную пропаганду. Эти действия Маркса вызвали недовольство прусского правительства, и оно в январе 1845 года обратилось к французскому правительству с просьбой выслать Маркса из Франции. Маркс в это время одновременно также осуществлял пропаганду Маркса среди французских рабочих, и в январе 1845 году он должен был уехать из Франции в Бельгию. Эту просьбу Маркс выложил в Брюсселе, где поселился в Брюсселе — столице Бельгии.

Еще в 1844 году Маркс закончил выработку своих основных философско-политических взглядов. В Брюсселе Маркс продолжал изучать политическую экономию. В 1847 году он издал в Брюсселе свою книгу «Критицизм философии», направленную против французского анархиста Прудона. В этой интереснейшей работе Маркс уже показал основательное знание экономических вопросов и ясное понимание классовых задач пролетариата. На ее страницах он высказал многие глубокие мысли, которые позже были развиты в «Манифесте Коммунистической партии», в знаменитом «Капитале» и в других работах.

Живя в Брюсселе, Маркс энергично занялся пропагандой среди рабочих эмигрантов. Немецкие рабочие-эмигранты были объединены в то время в организацию, которая называлась «Союз справедливых». Центр этой организации находился в Лондоне. В начале 1847 года ЦК «Союза» послал в Брюссель одного из своих членов, чтобы привлечь Маркса и Энгельса к работе. Они согласились и во время переговоров убедили представителей «Союза» изменить его название и характер деятельности. «Союз справедливых» принял наименование «Союза коммунистов». Благодаря Марксу и Энгельсу этот «Союз» из кружка заговорщиков превратился в организацию для пропаганды коммунистических идей. Организация эта имела международный характер, в числе членов ее были немцы, англичане, бельгийцы, венгерцы и др. Маркс сразу приобрел в «Союзе» большое влияние. И Цедз «Союза» в Лондоне в начале декабря 1847 года поручил Марксу и Энгельсу составить новую программу.

Маркс и Энгельс энергично принялись за работу. Новая программа была, по предложению Энгельса, названа «Манифестом Коммунистической партии». Написан «Манифест» с изумительной силой и блеском. Издан он был перед самой революцией, вспыхнувшей во Франции в конце февраля 1848 года. Вернее сказать, книжка еще брошюровалась в типографии, когда началась революция в Париже.

В этой небольшой книге Маркс и Энгельс изложили основы революционного мировоззрения пролетариата. Впервые в истории пролетариат получил законченную программу борьбы, указывавшую ему правильный путь к победе над капитализмом — завоевание политической власти и насильственное упреждение капиталистических производственных отношений. Впервые в истории с научной точностью были установлены законы развития классового общества, великая революционная роль пролетариата и его конечная цель — коммунистический строй.

«В этом произведении, — писал В. И. Ленин, — с гениальной ясностью и яркостью обрисовано новое мировоззрение, поселе-

вательный материализм, охватывающий и область социальной жизни, диалектика, как наиболее всестороннее и глубокое учение о развитии, теория классовой борьбы и всемирно-историческая революционная роль пролетариата, теория нового, коммунистического общества» (Ленин. Соч. Т. XVIII, стр. 6).

Победа революции в Париже послужила сигналом к революционным всплескам в соседних странах. Исключительное бельгийское правительство решило выслать из страны Маркса, которого оно рассматривало как очень опасного агитатора. Вечером 4 марта 1848 года Маркс получил приказ немедленно выехать из Бельгии. Но не успел еще Маркс собрать свои вещи для отъезда, как в ту же ночь у него произошел обморок и он был арестован. Правда, арест продолжался недолго. Как только Маркс оправдался, полиция заставила его выехать из Бельгии. Маркс напился тогда со своей семьей в Париж, так как временное правительство, установившее революцией, не только отменило изданным правительством сурового козла Луи-Филиппа приказ о высылке Маркса из Франции, но и пригласило его поселиться во французское столице.

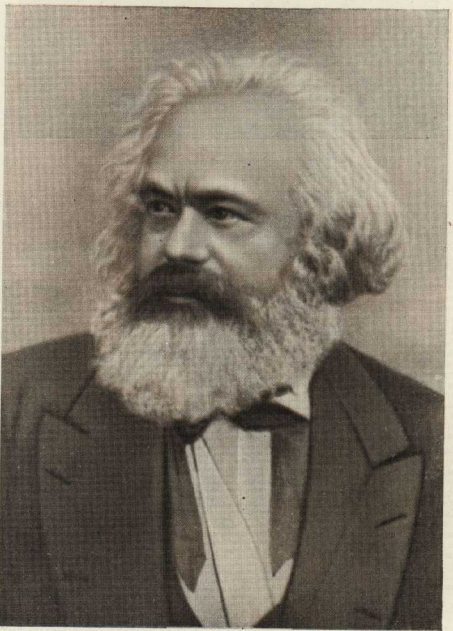
В Париже Маркс остался недолго. Революционные события развивались очень быстро. Уже 13 марта вспыхнула революция

в Австрии (в Вене), а 19 марта — в Пруссии (в Берлине). Маркс и Энгельс направлялись в Германию. Местом своей работы Маркс избрал Кельн. Там он приступил к изданию газеты, которую назвал «Новой рейнской газетой».

Газета Маркса стала руководящим центром пролетарских и революционно-демократических элементов Германии. Маркс боролся за то, чтобы германский пролетариат в вставшей революции стал полем широких масс трудящихся — мелкой городской буржуазии и в особенности крестьянства. При этом условии, говорил он, германская революция не ограничится мелкими уступками со стороны монархии в пользу буржуазии, а дойдет до полного уничтожения монархии и помещиков, до освобождения крестьянства от помещичьей эксплуатации и пойдет дальше, будет перерастать в социалистическую революцию пролетариата, в диктатуру пролетариата.

«Новая рейнская газета» начала выходить 1 июня 1848 года. Это была единственная в Германии газета, которая прямо и открыто защищала интересы пролетариата. Энгельс принимал в газете очень много участия: он написал для нее очень много руководящих статей.

Прусское правительство в конце сентября 1848 года закрыло газету на шесть недель.

Карл Маркс.

Фридрих Энгельс

Оно дважды отдавало редакцию газеты под суд за призывы к восстанию. Но присяжные оба раза выносили ей оправдательные приговоры. После майского восстания 1849 года в Дрездене правительство закрыло газету. Последний номер газеты, появившийся 19 мая 1849 года, был отмечен красной краской. Еще за несколько дней до закрытия газеты был издан призыв о высылке ее руководителей из Германии. После прекращения газеты Марксу для расчета с подписчиками и типографией пришлось продать и заложить все свое имущество.

Маркс снова направился в эмиграцию, в Париж. Он поехал туда, чтобы установить связи с парижскими пролетарскими революционерами. Энгельс остался в Германии и с оружием в руках принял участие в баденском восстании. Но восстание это скоро было подавлено. Революция в Германии потерпела поражение, и в стране началось откровенное торжество контрреволюции. Тогда Энгельс также эмигрировал сперва в Швейцарию, а потом в Англию.

Маркс недолго прожил в Париже. Французское правительство, испуганное революционными выступлениями пролетариата, вступило на путь реакции. Французская полиция немедленно по приезде Маркса в Париж установила за ним наблюдение, так что он должен был жить за городом, скрываясь от нее под фамилией Рамбо. 19 июля 1849 года полиция предложила Марксу уйти уехать в глухую провинцию (в Бретень) или снова покинуть Францию. Маркс выбрал последнее и уехал в Англию, где поселился в Лондоне. Здесь ему пришлось прожить тридцать с лишним лет.

В первое время Маркс и Энгельс пытались продолжать издание «Новой рейнской газеты», но не вышло ежедневно выходящего ор-

гана, а вышло «Обозрение», печатаемого в Гамбурге, но редактируемого в Лондоне. Однако эта попытка успеха не имела, хотя в «Обозрении» были напечатаны такие блестящие вещи, как «Классовая борьба во Франции» Маркса и «Крестьянская война в Германии» Энгельса. В тот же период Марксом была написана изумительная по глубине классового анализа и по блеску стиля брошюра «18 брюмера Луи Бонапарта», посвященная истории французской революции 1848 года и контрреволюционному перевороту 2 декабря 1851 года, совершенному проходимцем Луи Наполеоном.

В первые годы эмиграции Марксу и его семье приходилось жить в величайшей нужде, граничившей с нищетой. Особо трудно было жить Марксу и первые 3—4 года после переезда в Лондон.

Нужда, которую терпела в то время Маркс и его семья, доходила до того, что дети Маркса не могли посещать школу из-за отсутствия у них зимней одежды. Сам Маркс не мог ходить в Британский музей, в библиотеку которого он работал, потому что его единственный сортуз был заложен. Случайно, Маркс не мог послать по почте издателью свои рукописи, так как у него не было даже тех грошей, которые нужны для уплаты за пересылку.

Энгельс, который глубоко любил Маркса и прекрасно понимал огромную ценность его работы для угнетенных масс человечества, старался, насколько мог, помочь ему. Для этого он пошел на величайшую жертву: он решил временно отказаться от любиминой научной работы и литературной деятельности и договорился со своим отцом, что поступит на службу и будет вести его дела в Манчестере. Это даало Энгельсу возможность зарабатывать в год около 2 тысяч рублей, из которых значительную часть он посылал Марксу. «Нужда прямо душила Маркса и его семью», — писал Ленин, — не

будь постоянной самоотверженной финансовой поддержкой Энгельса, Маркс не только не мог бы кончить «Капитала», но и искинуемо погиб бы под гнетом нищеты» (Ленин, т. XVIII, стр. 7).

Маркс, поселившись в Лондоне, привнес за свое основное научное произведение. Это была его знаменитая книга «Капитал». Эта гениальная работа произвела переворот в политической экономии и стала незаменимым фундаментом для революционной борьбы пролетариата. Над ней Маркс работал всю свою жизнь. Он целые дни просиживал за книгами в богатейшем книгохранилище Англии — Британском музее. Он работал впродолжение целых ночей. Но переутомление и болезни часто заставляли Маркса прерывать работу на продолжительное время. Несмотря на все свои усилия Маркс закончил и издал при жизни (в 1867 году) лишь один первый том «Капитала»; второй и третий томы остались в незаконченном виде, и уже после смерти Маркса Энгельс принялся за приведение в порядок и отладку рукописей и издал эти два тома.

Более десяти лет после поражения революции 1848 года во всей Западной Европе царил реакционный Рабочее движение переживало упадок. Только с 60-х годов снова началось оживление.

В 1864 году в Лондон приехала делегация французских рабочих. Был устроен митинг с целью завязать дружбу между англичанами и французскими рабочими. На собрании был избран комитет, которому поручили выработать программу и устав нового международного объединения рабочих. В комитет вошли главным образом деятели английского профессионального движения. Вскоре в состав комитета вошел и Маркс. Маркс сразу понял, какое крупное значение может иметь международное объединение рабочих, и взял на себя составление «Чрезвычайного манифеста».

В этом манифесте Маркс показал пролетариату путь, по которому он должен идти в борьбе за свое освобождение. «Понскоду широкие массы рабочего класса опухались все ниже и ниже, по меньшей мере в такой же степени, в какой выше их стоящие классы поднимались вверх по общественной лестнице», — писал Маркс (Маркс и Энгельс, т. XIII, Ч. 1-я, стр. 9). Чтобы улучшить свое положение, рабочие должны завоевать себе политическую власть. И «Чрезвычайный манифест» новой организации, назвавшей себя Международным товариществом рабочих, Маркс заканчивает теми же знаменитыми словами, которыми он и Энгельс в 1848 году закончили «Манифест Коммунистической партии»: «Пролетарии всех стран, соединитесь!»

В начале устава нового общества Маркс утверждал следующие основные положения:

«...Освобождение рабочего класса должно быть завоевано самим рабочим классом... борьба за освобождение рабочего класса означает борьбу не за классовые привилегии и монополии, а за равные права и обязанности и за уничтожение всякого классового господства... экономическое подчинение трудящихся монополиям средств труда... истинников жизни, лежит в основе рабства по всем его формам, всякой социальной собственности, умственной собственности и политической власти... экономическое освобождение рабочего класса есть, следовательно, великая цель, которая всякое политическое движение должно считать своим конечным пунктом... все усилия, направленные к этой великой цели, оканчивались до сих пор безуспешными вследствие недостатка солидарности между рабочими различными отраслей труда в каждой стране и отсутствия братского союза рабочего класса разных стран... освобождение труда — не мистика и не идеалистская проблема, а социальная, экономическая проблема, в которой существуют современные общество, и ... ее разрешение зависит от практического и теоретического сотрудничества наиболее передовых стран» (Маркс и Энгельс, т. XIII, Ч. 1-я, стр. 13—14).

Это Международное товарищество рабочих известно под названием I Интернационала.

Во главе I интернационала стоял его Генеральный совет, заседавший в Лондоне. Маркс был избран членом Генерального совета.

Маркс пользовался в Генеральном совете и во всем I интернационале громадным влиянием, был его идеологом, руководителем, вождем. «Маркс был душой этого общества», — говорил Ленин, — автором его первого «обращения» и массы резолюций, заявлений, манифестов и т. д. (Т. II, стр. 7). Маркс боролся за то, чтобы создать на Интернационала единую, тесно связанную с единством программы и тактики, сильную и сплоченную революционную организацию пролетариев всего мира.

Против Маркса и его революционных принципов выступил русский анархист Бакунин.

В борьбе с бакунистами чрезвычайно ярко проявилась черта, характерная для всей революционной деятельности Маркса, — его неколебимая принципиальность и неспиримость во всем отклонении от революционной теории, ко всем враньям рабочего класса. Маркс объявил беспощадную борьбу Бакунину, который волеял в I интернационала, чтобы, чтобы разложить его изнутри и выдать рабочее движение злейшим врагам пролетариата. Маркс добился исключения Бакунина и его сторонников из Интернационала. «И интернационал продолжалась всякая шваль. Находясь в нем сектанты обитали, злоупотребляли своей принадлежностью к I Интернационалу и пачкались, что им было, козлами и овцами, шле же глупости и вистости. Мы этого не потерпели... Теперь сектантские склочники продолжают приносить крик и шум, но мы — люди несчастья, дисконта!» (К. Маркс. Избранные произведения. Т. II, стр. 496). Те же обвинения в диктаторстве и раскольничестве Бакунин выдвигал против революционного рабочего движения — бакунистам, когда они отсекали от партии изменников и предателей.

В сентябре 1870 года в результате поражения Франции в войне с Пруссией была свергнута монархия Наполеона III, 18 марта 1871 года в Париже вспыхнуло восстание. Маркс немедленно стал на сторону парижских коммунаров. Маркс как истинного революционера не оставалывало то, что положение революционных парижских рабочих было чрезвычайно тяжело, так как они имели против себя и французскую и германскую армии. Он был в восторге от революционной энергии парижских пролетариев. «Какая гибкость, какая историческая инициатива, какая способность самоорганизации у этих парижан!» (Маркс. Избранные произведения. Т. II, стр. 419). — писал он своему другу Кугельману. «История не знает еще примера подобной героизма». Как бы там ни было, теперешнее парижское восстание, — если оно даже и будет подавлено волками, свиньями и подлыми псами старого общества, — является славнейшим подвигом нашей партии.» (Маркс. Избранные произведения. Т. II, стр. 419—420).

И после поражения Парижской коммуны Маркс остался таким же верным и страстным защитником ее.

На вопрос, чем была Парижская коммуна, Маркс отвечал: «она была, но сути дела, правительством рабочего класса», а результатом борьбы производящего класса против класса присваивающего, она была открытой, законной, политической формой, при которой могло совершиться экономическое освобождение труда» (Маркс. Избранные произведения. Т. II, стр. 398).

Международная буржуазия и даже I интернационале главного виновника возникновения Парижской коммуны и после ее поражения заявила усвоенной традицией Интернационала. В ответ на это Маркс заявил: «Где бы ни проявлялась классовая борьба, какие бы формы она ни принимала, при ка-

ких бы условиях она ни происходила, каково бы ни было ее содержание, — везде на первом месте стоит, само собой разумеется, члены нашего Товарищества» (Маркс. Избранные произведения. Т. II, стр. 416).

Подавление Парижской коммуны на некоторое время также отразилось на международном рабочем движении. Это обстоятельство, а также предательские действия анархистов, руководимых Бакуниным, в рядах самого Интернационала побудили Маркса поставить в 1872 году на Гаагском конгрессе Интернационала вопрос о переводе Генерального совета в Америку.

В своей речи, назовем проиниципую революционной энергией и оптимизмом, Маркс говорил, что он будет продолжать работу по обвинению рабочих, что он не уйдет из Интернационала и весь остаток своей жизни посвятит торжеству социальных идей, которые рано или поздно приведут к победе пролетариата.

Деятельности Маркса сильно мешало состояние его здоровья, подорванного полной лишений жизнью и чрезмерной работой. Болезнь все чаще заставляла его временно прерывать работу. В конце 1881 года умерла Жени Маркс. Ее смерть была тяжелым ударом для Маркса, нежно и глубоко любившего жену. Его болезненное состояние усугубилось, и 14 марта 1883 года Маркс умер. Похоронен он был в Лондоне, на Хайгейтском кладбище, рядом со своей женой.

«Человечество стало ниже на одну голову, и при том на самую значительную из всех, которыми оно в наше время обладало», — писал Энгельс Зоре на другой день после смерти Маркса (Маркс и Энгельс. Т. XXVII, стр. 288).

Маркс не был сухим, книжным человеком: он любил жить во всех ее проявлениях. Это был боец, полный крови, неистощимой энергии. Он глубоко ненавидел врагов рабочего класса. Но столь же глубоко любил рабочих.

«...Маркс был — прежде всего революционер.» — говорила Энгельс на могиле Маркса. Вот почему Маркс был человеком, которого больше всего ненавидели и на которого больше всего клеветали. Правительство — самодержавные и республиканские — высматривало его, буржуа — консервативные и ультрадемократические — наперсочье оспалли его клеветой и проклятиями. Он отменял все это, как паутина, не уделяя этому внимания, отчаясь лишь при крайней необходимости. И он умер, почитаемый, любимый,

оплакиваемый миллионами революционных соратников во всей Европе и Америке — от сибирских рудников до Калифорнии, и я смею могу сказать: у него могло быть много противников, но вряд ли был хоть один личный враг.

И имя его и дело переживут века! (Карл Маркс. Избранные произведения. Т. I, стр. 12).

Опортой Маркса II интернационала и пролетарско-бухарнистическое течение, старались опознать, искзвистить, фальсифицировать учение Маркса и Энгельса, выхолостить его революционную сущность, приспосабливать его к интересам буржуазии. Но это им не удалось. Оцененный от всех оппортунистических искажений, блестяще развитый великими вождями партии большевиков Лениным и Сталиным в условиях новой исторической эпохи — эпохи империализма и пролетарской революции, — марксизм восторжествовал как учение победившего пролетариата. «Говорят, что на Западе в некоторых государствах уже уничтожен марксизм. Говорят, что его уничтожили будто бы буржуазно-инвалидистическое течение, называемое фашизмом». Это, конечно, пустяки. Так могут говорить лишь люди, не знающие истории. Марксизм есть научное выражение коренных интересов рабочего класса. Чтобы уничтожить марксизм, надо уничтожить рабочий класс. А уничтожить рабочий класс невозможно. Более 80 лет прошло с тех пор, как марксизм выступил на арену. За это время десятки и сотни буржуазных правительств пытались уничтожить марксизм. И это же? Буржуазные правительства переходили и уходили, а марксизм оставался. (Бурные и пламенные дни). Более того, — марксизм добился того, что он одержал полную победу в одной шестой части света, при чем добился победы в той самой стране, где марксизм считали окончательно уничтоженным» (И. Сталин и «Вопросы ленинизма», стр. 597).

Гениальная идея Маркса о диктатуре пролетариата нашла свое воплощение в содланном и руководимом партией Ленина — Сталина Союзе Советских Социалистических Республик. Советское общество добилось того, что оно уже осуществило в основном социализм. «Место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоборствованиями занимает ассоциация, в которой свободное развитие каждого достигается путем свободного развития всех» — эти пророческие слова Маркса и Энгельса на «Манифесте Коммунистической партии» становятся действительностью в нашей стране.

404

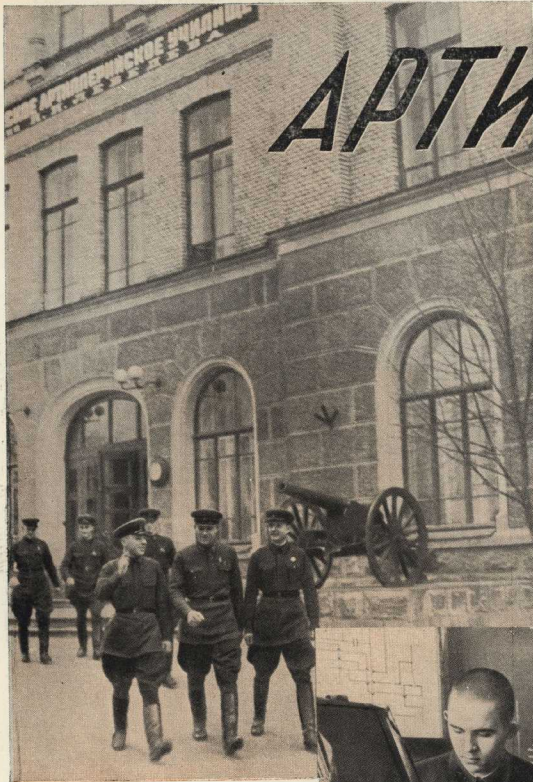
THE ILLUSTRATED LONDON NEWS

1848

Революция 1848 года в Дрездене. (Из английского журнала того времени).

Артиллерия

Бусоль 7—50! Уровень 30—00! Прицел 72!
Трубка 64! Первому взводу—огонь!

Путь для снаряда начертан. Ровно через минуту раздается выстрел и выброшенная чудовищной силой из дула орудия шрапнель понесет противнику смерть.

Но проходит минута, вторая, третья, а выстрела все еще не слышно. Что же случилось? Разве на батарее не приняли ответливо подданную команду?

Мы находимся в просторной, светлой комнате, где нет никаких орудий, нет ни противника, ни реки Наумки, ни урочища Заднее поле. Мы присутствуем на практических занятиях по артиллерии в одном из учебных классов 1-го Киевского артиллерийского училища имени П. П. Лебедева.

Здесь нет реальной обстановки боя, нет настоящих пушек и снарядов, действительного командира батареи. Это класс, самый настоящий школьный класс, с рабочими столами, с учебной доской и кусочком прозаического мела. И за столами сидят не командиры, а пока еще курсанты училища.

Но в классе стоит миниатор-подион, и по его песчаной поверхности течет, причудливо извиваясь, река Наумка, горбятся черные холмы, встречаются и разбегаются дороги. Здесь прячется и обороняется, развешивает свои части и наступает вооруженный противник, сюда направляет свой губительный огонь усложная батарея.

На снимках: сверху—здание 1-го Киевского артиллерийского училища имени П. П. Лебедева; внизу—курсанты на практических занятиях в классе связи.

...Противник оборонялся по левому берегу реки Наумки. 1-я батарея поддерживала 1-ю роту 8-го стрелкового полка, которая должна была атаковать противника в районе высоты с курганом, а в дальнейшем наступать на урочище Заднее поле. Ориентир: первый—груда камней, второй—черный бурт, третий—перекресток дорог.

Командир батареи смотрит в призмальный бинокль. Все, что он видел до сих пор невооруженным глазом, увеличилось теперь в шесть раз. Он произносит вслух:

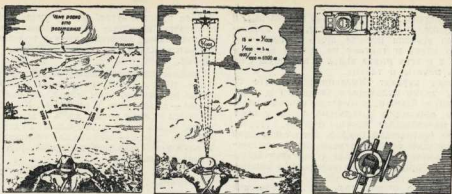
—Наша рота заняла высоту с курганом и подверглась обстрелу станкового пулемета противника со стороны урочища Заднее поле. Пехота противника наступает на нашу роту...

Тут же командир батареи принимает решение: остановить контратаку неприятельской пехоты. Стрелять шрапнелью, взводом. Он определяет исходные данные: углемер, уровень, прицел — и подает команду:

— По пехоте! Шрапнелью! Заряд нормальный!

ИСТЫ

Приведенные здесь рисунки из книги «Артиллерия» показывают: 1. Как по углу в стелсчых определить расстояние от цели до орудия. 2. Как, зная размах крыльев самолета, можно вычислить расстояние до самолета. 3. Как следует стрелять по движущейся цели, например по идущему танку. В этих случаях точка прицеливания выносится вперед на одну фигуру танка.

Курсант-выпускник Шерстюк действует за командира батареи. Так он сейчас и называется: командир батареи, стреляющий.

Шерстюк сидит у миниратор-полютога с биноклем в руках. Он забывает о том, что здесь все индентрировка: урониче Залисе поле и противник, обстреливающий нашу нехоту... Шерстюк представляет себе полную боевую обстановку. Ему надо решить тактическую задачу. И решить быстро и самостоятельно.

И вот решение принято. Отдана команда. В ту же минуту по координатным рейкам, приспособленным поперек шлица с лентом, скользит небольшая каретка, и с нее на шарнире опускается блестящий, металлический шарик. Он падает в ту самую точку, где должен был произойти разрыв снаряда. Мгновение — и шарик убирается. Стреляющему нужно запомнить место разрыва и установить отклонение от цели.

У Шерстюка под рукой огневой планшет, карандаш, циркуль, линейка. Новое вычисление занимает считанные секунды. Результаты наблюдений скорректированы. Слова подается команда:

— Леее 0—08! Пришел 76! Трубка 68! Огонь! Шарик опускается еще раз.

Стрельба ведется методом захвата цели в так называемую вышку и последовательного ее сужения: цель находится где-то между двумя разорвавшимися снарядами; это расстояние будет все время сокращаться до того момента, пока цель не будет поражена. Это только один из способов пристрелки, так называемый «по наблюдению знаков разрывов».

Пристрелка — исключительно важный и ответственный этап артиллерийской стрельбы. Вель предшествующая стрельбе подготовка исходных данных неизбежно сопровождается ошибками. Их будет меньше в том случае, когда есть возможность провести подготовку максимально полнее и тщательнее. Но довериться целиком только подготовленным исходным данным и открывать сразу огонь на поражение цели нельзя. Пристрелка помогает выявить ошибки подготовки и корректировать их.

...В этом учебном заведении академический час является совсем коротким: так интересны и увлекательно проходят здесь уроки. Но вот раздается звонок. С сожалением покидают класс курсанты...

Раскрыты двери учебных классов, кабинетов физики, химии, связи, классов материальной части, боеприпасов. В широких и длинных, казущихся бесконечными коридорах загуляет сотни голосов. На десяток минут курсанты расстались с колбами и ретортами, с телефонами и радиоаппаратами, с учебником тригонометрии и циркулем, с угломерами и оптическими приборами, с разобранными частями орудийных систем.

На десяток минут опустели комнаты, похожие на интереснейшие артиллерийские музеи. Здесь можно увидеть красочное изображение противотанковых дальнебойных орудий — металлических машин — баллисты, катапульты, громивших более двух тысяч лет назад персидский город-крепость Галикарнас. Можно ознакомиться с устройством пушек, действовавших в годы мировой войны. Изучить сложнейшие механизмы современных орудий, богатейшие коллекции боеприпасов — от примитивного ядра до современных снарядов — зажигательных, осветительных, бронбойных, последних образцов, различных систем взрывателей, образцы дистанционных трубок... Через пять минут курсанты вернутся ко всем этим увлекательным вещам. А пока в коридоре, в курительной комнате, на лестнице продолжаются горячие обсуждения каждого произведенного

«выстрела», беспощадно критикуется каждая подднная команда.

Профессия артиллериста, тем более артиллерийского командира, требует фундаментального знания математики, физики, химии, топографии, черчения, связи, географии. Артиллерийский командир — это высокогра-

мотный и культурный, всесторонне образованный человек. Как сказал тов. Ворошилов: «Пожалуй, вы один род оружия не требует от командира и бойца такой дисциплины ума, воли и знаний, как артиллерия».

И если курсанты Шерстюк, Хмельницкий и десятки других успешно справились сегодня с задачами по артиллерии, — значит,

Курсант-комсомолец Рябов (слева) и курсант Немковский в библиотеке артиллерийского училища.

они отлично знают и высшую математику, и механику, и черчение, значит, они превосходят условия прежде все время подготовленной науку и тактику не только в артиллерии, а и всех родов войск и в первую очередь пехоты и танков.

Вчера курсант Завальницкий вместе со всем своим отделением занимался в поле. Накануне были подготовлены огневые планшеты, привезены гогольины, хордо-угольные, цеолуоидные круги, бусоль, стереотрубы (оптический прибор, представляющий комбинацию бинокля с перископом), оптические андады, кипрегели (углоначертавательные приборы), бинокли, телефонная аппаратура.

Отделение отправилось на практические занятия по топографии.

Стрелять, в артиллерийском понятии, — это совсем не означает нажать на курок и произвести выстрел. Стреляет не оружейный расчет, а командир батареи, который находится на расстоянии одного—двух, порой и больше километров от батареи. Стрелять, в артиллерийском понятии, — это значит быть на наблюдательном пункте, производить вычисления и командовать батареей.

Батарейо обсуждают разведки, топографы, связисты, метеорологи. Значит, командир батареи должен отлично знать все эти науки, уметь превосходно пользоваться многочисленной и разнообразной аппаратурой, приборами, соотвещать в себе и топографу, и связиста, и метеоролога... Артиллерийский командир — это газаз и уши, направляющие пуха батарея.

Чем же занимался вчера отделение в поезде? Прежде всего отделение называлось дивизионом. Преподаватель отдал приказание: занять район обороны, укреститься в выгодном участке и отсюда начать действие.

По координатам трех произвольных вытх опорных точек: домику, радиомачте и вешке — «движину» предстоило определить местонахождение огневых позиций, наблюдательных пунктов командиров батарей и дивизиона и бокового наблюдательного пункта. Это первая задача. Решив ее, всевы ориентиры в районе «противника». Это вторая задача.

...С Днепра дует холодный, пронизывающий до костей ветер. Но курсанты словно не чувствуют его. Они увлечены решением задач. Быстро устанавливаются стереотрубы, компас, бусоль. Из папок извлекаются огневые планшеты, цеолуоидные круги, гогольины. Смокают голоса. Курсанты на уроке, на серьезном, ответственном уроке. Картонные пазлы, положенные на колени, превращены в рабочие столы. Тишина. Израдка сверкает цифра, угол, расстояние.

Проходит час, другой. Паря спорят о правильности данных. Связисты сообщают их с одного наблюдательного пункта на другой.

Работа продолжается. Интересная работа, требующая солидных знаний, навыков к самостоятельному занятию, умения пользоваться са оптическими углоначертавательными приборами.

Огневые планшеты покрыты густой сетью углов, дриф, линий, испещрены небрежескими ориентирами (дом, завод, опушка леса, холмы — надо уметь и рисовать). Уже определяются нужные точки: здесь — огневая позиция, здесь — наблюдательный пункт командира, здесь — ориентиры «противника». А завтра на занятиях по артиллерии прозвучит команда:

— Пришла 72! Трубка 64! Первому аводу — огонь!

И меткий огонь поразит цель.

14 часов. Звонок. Сигнал трубочка. Занятия окончились. Телерь все это огромное здание на несколько минут наполняется говором, шутками, смехом. Курсанты идут в свою столовую, где на покрытых белоснежными скатертями столах их ждут вкусный борщ, аппетитные котлеты, сладкий кофе...

Курсанты обедают, потом у них будет мертвый час.

После мертвого часа училище снова оживает. В учебных классах, в библиотеке, читальне, кабинетах, в комнатах красиво и уютно обставленного клуба работают десятки политических кружков, проводятся партийные и комсомольские собрания. Курсанты готовятся к завтрашним занятиям, читают художественную литературу, разужают песни.

В богатейшей библиотеке, насчитывающей 50 тысяч томов самой разнообразной литературы, мы застаем курсантов Рябова, Немцова, Резникова, Щетина, Вицея, Христича, Ганцева. Комсомолец-агитатор Рябов берет сегодня произведения Ленина и Сталина. Вицей прочитавший за четыре месяца больше тридцати книг, просит «Бюллетень» Герцена, Щетина просит Стендаля. В абонементной карточке комсомольца Христина можно встретить названия произведений А. Н. Толстого, Мате Залка, Вишевского, «Историю гражданской войны».

Курсант второго курса Ганцев просит «Войну и мир» Толстого, XVIII том сочинений Ленина и «1812 год» К. Клаузевица. Он забирает книги и уходит в читальню. Позже вечером, перед самым закрытием библиотеки, он заканчивает свою работу. Начальнику библиотеки он вручает густо исписанный лист бумаги.

— Это моя рецензия на «1812 год» Клаузевица, — говорит он.

Рядом с Ганцевым в читальне занимается секретарь президиума комсомольской орга-

низации N-ской батареи курсант Куйбышев. Отлично получивший много раз благодарности от командования училища, он уделяет много времени военной истории, внимательно следит за всеми литературными новинками, посвященными его любимому делу — артиллерии.

В этот день Куйбышев прорабатывал тему о могуществе и подлинности артиллерии, изучал опыт последних в военную историю артиллерийских сражений.

Сейчас перед ним раскрыта увлекательная книга — «Артиллерия». Читая описание многочисленной атаки французами немецких позиций на реке Эй, он видит глазами завтрашнего артиллерийского командира расположение тысяч тяжелых и траншейных орудий. Он представляет двухсотую пушечную стрелку по назначенным целям и местностям, которая «блужд как бы «перепалана» чудовищным пылом войны», где на каждый метр фронта прорыва приходилось около 150 снарядов.

И еще и еще раз возвращается курсант к разделу о видах артиллерии современных армий, еще и еще раз прочитывает о мощных противотанковых (наземно-земных) пушках, пехотных гаубицах, минометах, мортирах...

Ступаясь этажом ниже — в клуб. Специальные педагоги из консерватории занимаются с музыкантами и певцами. Курсант Серебрянский разучивает на скрипке «Третью симфонию» Дявляка. Курсант Антипов поет арию Миксрия из оперы «Снегурочка». В спортивном зале курсант Степура тренирует то боксу своих одноклассников...
День в артиллерийском училище кажется несмерно большим и востительным: так превосходно организовано здесь время, так четко и разумно распланирован тут каждый час, даже каждая минута курсанта и преподавателя.

Мы были в училище в первые дни приема заявлений в военно-учебные заведения Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Мы читали папки писем, запросов и заявлений со всех концов страны. Молодые люди самых разнообразных профессий: сталевары и агрономы, студенты медицинских вузов и трактористы, шахтеры и учащиеся последних классов средних школ, красноармейцы, педагоги, счетоводы, слесари, колхозники — все они горят желанием изучит почетную и увлекательную профессию артиллерийского командира, хотят пожизненно связать свою судьбу с родной Красной Армией. В своих заявлениях они пишут о беспредельной своей любви и преданности социалистической родине, о готовности защищать прекрасную Советскую страну, возрастившую и воспитавшую их.

Киев.

Выезд артиллерии на позицию.

Фото В. Иванчиного.

Друзья

После вечернего горня на степную лужичку собирались на опушке Печерского леса. Расположившись на траве, механики, штурманы, парантоисты старательно и закономерно разучивали народные песни к предстоящему общедаренному концерту:

«Он заставил ее три деда делать:
Бельми руками тонкий кудель присить,
Языми очами дробелей стереть,
Резвыми ногами дядя качать.»

Руководит хором Саша Гринев, дирижер-самоучка, лучший борзехляк в эскадриле.

Гринев зорко оглядывает песенников и то ускоряет, то замедляет ритм. Песня звучит в вечернем воздухе мелочу и чисто, и только дирижер улавливает слабую басовую нот. Да, отсутствие Минхаева-Дычина, безусловно, отражается на силе хора...

Прежде Дычин активно участвовал в работе хора, но затем неожиданно перестал приходить на спектакли. После учебных занятий он постоянно куда-то исчезал.

Гринев это обидело и тревожило. Они друзьями с Минхаевым. Это была настоящая дружба, а не та кратковременная близость, которая возникает у людей, живущих вместе: в домах отдыха, в поселках дальних маршрутов. Оба они приехали в летнюю школу из далекой, окраинной республики. Гринев хорошо говорил по-казахски. Но не это было решающим и их сближало: обоим летчиков сродняла схожесть чувств, мыслей, желаний.

Отца Дычина был проводником каравана. Гринев делал извозчиком. Минхаев участвовал вместе с отцом в большом автомобильном пробеге. С тех пор он полюбил машины. Минхаев был талантлив, смел, прямолинейен. Другим он впервые. Это было для него ново и необычно. Гриневу он любил самозабвенно. Саша отвечал ему такой же горячей привязанностью.

И вдруг все изменилось.

Общительный и веселый, Минхаев стал опустошен, молчалив, несладко: он подолгу гад-то бродил и возвращался в кожанку поздно.

Однажды Гринев попытался узнать причины странного поведения Дычина. Стараясь говорить безразличным тоном, Саша спросил товарища:

— Ты где это, дружище, пропадешь?

— А что?

— Да так. И на спектакль перестал ходить. Мы, брат, теперь поем так, как на стругах Стеньки Разина певали... А тебя что отвлекает? Без песни жить трудно. Ты ведь песни любишь...

— Люблю свои...

— Какие?

— Чего пристав? — вадур свирепя, закричал Дычин. — Пой себе на здоровье! А я тебе не кукушка...

На том и кончился разговор. В последние Минхаева, в сущности, не было ничего предосудительного: он попрежнему серьезно и тщательно относился к своим обязанностям: летая, делая сложные упражнения, читал.

Один только Гринев чувствовал владение. Смутные подозрения заполнили в его душу, и чем сильнее возрастало его недовольство к другу, тем труднее было вызвать Минхаева на откровенность.

Может быть, стоило поговорить с комиссаром?..

Но Гринев медлил.

Одна песня смеяла другую: разянке частушки шли следом за украинской думкой, вслед за думкой звучало «Вниз по матушке, по Волге...»

Но Гринев не чувствовал обычного удовлетворения. Сегодня сильнее чем всегда ему хотелось на что-то решиться, прийти к определенному выводу.

Сославшись на какое-то спешное дело, Саша прекратил дирижирование.

Домой идти не хотелось, он пошел в лес. От земли шел запах тлеяни: запах пропавших листьев, засохших трав и мокрой земли.

Гринев вышел на широкую просеку и усталю опустился на кося срубленного пня. Странные звуки неожиданно вывели Гриневу из задумчивости.

Кто-то шел по просеке и голосом, идущим от сердца, высоким и тощимым, вел Гриневу пригнуться к земле. Он боялся шевельнуться, чтобы не выдать своего присутствия. Он сразу узнал пень.

Минхаев-Дычин шел медленно, закивая руки за спину, чуть раскачиваясь. Так ходят ковчегники. В звездном гетее лицо его казалось каменным. И тут Гриневу позная: частые отлучки, печаль, молчаливость друга — все предстало перед ним в новом свете...

Минхаев не был дома уже несколько лет. Сверканье снега, шум моря, запах летозатяжки однообразную картину родных степей. Армия заменила ему семью.

И везение его сложило.

С того самого вестера, когда летчики начали собираться на спектакль, он затосковал по далеким родным местам, где протекало его детство, где слышал он колыбельную песню матери. Это чувство налетело как самум.

Он стыдился этого чувства, оно казалось ему пенушным и даже вредным. Но ничем нельзя было унять боли от пробудившихся владений воспоминаний. И, чтобы отвести душу, Минхаев уходил в лес и подолгу пел родные песни.

Небо, озаренное блеском заката, напоминало ему любимое небо пустыни, шум леса — движение нескон; запах сосны был подобен запаху бирючины, сухая трещина под ногами, как ветки сакауса.

«И только черная ночь,
Ласковая, как мать,
Умела тебе помочь
И лаской тебя обнять.»

Гринев слушал песню как откровение; он не проронил ни звука. Песня была ему знакомая. Это была старая казахская песня, которую поют по многим поводам в степи. Никого и ничего не замечая, Дычин прошел по просеке и исчез в лесу.

Домой они пришли в одно время, только разными путями.

День концерта приближался. Но спектакль на опушке леса прекратился. Многих это удивляло. Делались различные догадки. Неужели лучшей творческой коллектив выбыл из строя?

Все сомнения разрешились в день концерта.

Летная площадка была переполнена. Все население аэрогорода пришло на вечер. В публике было много красноармейцев и командиров различного рода оружия.

Пришел и Минхаев-Дычин. Он сидел у самого края площадки, сумрачный и молчаливый.

Первыми выступили два багянства. Они исполнили Шопена.

Молодые красноармейцы части капитана Ковальцева задумчиво спели «Заповни!» Шевченко.

Наконец, на сцене выстроился хор Гринев. Публика замерла. Все любил старинные русские песни.

Гринев обернул глазами площадку. Отискал Минхаева, он улыбнулся ему дружески и весело сказал:

— Мы исполним народную степную песню.

И хор пел:

«И только черная ночь,
Ласковая, как мать,
Умела тебе помочь
И лаской тебя обнять.»

Минхаев вздрогнул, встал и дико оглянулся.

Звучи врывались в ночной простор как знойный ветер пустыни, они опалили лицо Дычина дымящим жаром.

Люди, затрав дышание, слушали странно, неземную мелодию казахской песни. Песня эта омаровала своей акцентной, простой и волной напевностью, она казалась родной.

Песня о воле всегда найдет живой отклик в душе советского человека.

Слушатели в единодушном порыве долго аплодировали небольшой, тесно сомкнутой группе певцов.

Только один человек на площадке не аплодировал: он плакал...

Народ наш песенный. После концерта многие быстро разучили понравившуюся казахскую песню.

И опушка Печерского леса часто оглаждалась песней, высокой и тонкой, как полет стрелы, песней казахского народа.

В хоре мужских голосов громче и сильнее всех выделялся голос Минхаева-Дычина.

Художник-палешанин Иван Голыко.

Иллюстрация к советскому изданию «Слова о полку Игореве».

БЕССМЕРТНАЯ ПОЭМА

ИВАН НОВИКОВ

Около 750 лет тому назад, в 1187—1188 году, было создано одно из величайших произведений русской литературы — «Слово о полку Игореве». По своему огромному художественному мастерству, по своей глубокой связи с думами и чаяниями народа «Слово» стоит в одном ряду с великими памятниками народного эпоса: древнегреческими «Илиадой» и «Одиссеей», французской «Песней о Роланде», германской «Песней о Нибелунгах».

«Слово о полку Игореве» повествует о походе четырех русских князей против половцев. В походе принимали участие: Игорь, князь Новгород-Северский, его брат Всеволод, сын Владимир и племянник Святослав. Русские войска были разбиты, и все четыре князя попали в плен. Поход, трехдневная битва, плен и бегство Игоря из плена — вот содержание поэмы, вдохновившей, как известно, композитора Бородина на создание его замечательной оперы «Князь Игорь».

Представление о Руси тех времен, как о стране почти варварской, — представление глубоко неверное. Конечно, нравы и быт хранили еще следы грубости, но христианская культура, сменяющая языческие верования, уже крепла и общую культуру народа. Монастыри были тогда не только религиозными центрами, но и расадниками образованности.

О том, как высоко поднималась порой духовная жизнь народа в ту эпоху, и свидетельствует поэма, про которую Карл Маркс писал так: «Вся песнь носит христиански-героический характер, хотя язы-

ческие элементы выступают еще весьма заметно.»

Поэма стоит на огромной поэтической высоте. Язык ее крепок, сжат, энергичен, образы ярки, краски свежи. Автор ее (имя его неизвестно) — явно человек образованный, прекрасно знающий историю своего народа. И автор писал свою поэму не по «источникам», не по летописи, как утверждают некоторые исследователи. Такую поэму и так написать ее мог только участник событий, участник похода и плена.

Наряду с Игорем, Всеволодом, Ярославом — женой Игоря, — великим князем Киевским Святославом в поэме все время присутствует и сам автор. Это он размышляет о том, как ему жить, это он вздыхает, вспоминая об «Олговом хоробром гнезде, задесятеи далече», о «Русской земле, скрывшейся за курганом.» И он же, наконец, с далекой родины скорбным женским голосом — «слава Ярославна».

Основная мысль всей поэмы выражена в словах Святослава, призывающего князей врагом, наследующим на Русскую землю. Это глубокая патристическая и благородная мысль развивается автором с огромной силой. И весь самозабывающий, не согласованный с другими князьями поход Игоря slutит жестоком уроком, из которого надлежит сделать выводы. Выводы эти гласит о том, что спасение Русской земли — в единении всех сил, в дружной защите границы, в крепком отпоре языческому нашествию. Эту

сердечную поэму гениально раскрыл Карл Маркс. «Смысл поэмы — призыв русских князей к единению как раз перед нашествием монголов», — писал Маркс о «Слове» (Маркс и Энгельс, т. XXII, стр. 122). Для автора «Слова» общенациональные интересы, благо всего русского народа были выше частных интересов князей, споривших из-за власти.

Святослав в своем «злате-слове» делает упрек Игорю и Всеволоду, но избегает упрекать других князей. Это и понятно: он зовет их на помощь. Но сам автор определенно связывает даваемые им потрясающие картины бедствий Русской земли с раздорами князей между собой. Он восклицает:

«Между князьями усобица,
Ним же, поганые, —
Гибель!»

Откуда же автор берет эту смелость говорить горькую истину прямо в лицо князьям, как он, например, говорит это Ярославу Черниговскому? Смелость эта покоится на том, что говорит он от имени народа. Народное творчество пронизывает всю поэму; народные страдания глубоко ранят мужественное сердце поэта; он полагает трудным о судьбах родной страны...

Огромной силой оружие — слово, напоенное глубокой мыслью и благородным чувством. Оружие это вышло гениальной поэмой и давал своей стране позитив. Русские князья в свое время им не воспользовались, но оружие это не заржавело и поныне.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

(Отрывки из поэмы в переводе Ивана Новикова)

Бой с половцами

Долой враг ночи.
Свет зари задержала.
Поде туманы покрыли.
Щекот соловий затих,
Галочий говор проснулся.

Русичи
Поде великое
Щитами багрянными
Прегорюдали,
Книжо славы ища,
Честь — себе.
Утром в вятину рано
Потопаши поганое
Половецкое войско
И, рассыпавшись стрелами,
Помчели по полю
Красных дев половецких,
А с ними и злато,
И паволоки,
И оксантии драгие.
Епанчиам, да покрывалами,
Да кожухам,
И иными узорчыми
Половецкими
Стали мосты мостить
По болотам, по грязи.
Багряи стяг,
Бела хоругви,
Багряя бичуш,
Серебрило древо —
Храброму Святославицу!

Дремлет в поде
Озегово
Хоробое гнездо:
Залегаю дзаче!
Не было оно
Обидае обречено:
Не соколу, ни кречету,
Ни тебе,
Черный ворон,
Половчани поганый!
А уж Гаа серым волком бежит,
Кончак ему след указывает
К Дону великому.

А на другой день поутру,
Ранним-рано,
Кровяные зори
Возвещают рассвет,
И черные тучи
Надвигаются с моря
И прикрывать хотят
Все четыре солнца.
А трещуцт в тех тучах
Сивии модии —
Бать грому великому!
Ити дождю страдани
С Дона великого!
И коньяи
Предомыться тут,
И саблям
Потушить тут
О шеломах о половецкие
На реке в Каяле,
У Дона великого.
О земля моя Русская!
Уже полади,
За курганом ты!

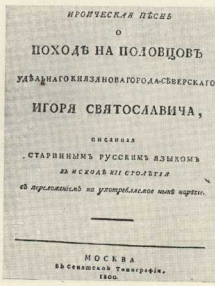
И ветры,
Сtribожики звучи,
Стрелами с моря веют
На храбрые полки
Игоревы.
Земля гудѣт,
Реки мутны текут,
Иль поля прикрывает,
Развеваются стяги:
То половцы идут от Дона,

Идут от моря
И русские полки обступили
Кругом.
И поля преградили
Дети беговы
Княком,
А храбрые русские —
Щитами багрянными.

Яр-тур Всеволод!
Стоишь, отбиваясь,
Прищель на виновов стрелами,
Гремишь о шеломах
Мечами булатными!
Куда, тур, поскачешь,
Златом шелома посвечивая,
Там и дождатся
Поганые
Половецкие головах...
Каленю сабой расколоты
Шелома оварские
Тобой,
Яр-тур Всеволод!
О рвах ли думать,
Братия,
Тому,
Кто и сан забавя,
И жизнь забоя,
И город Чернигов свой,
И отчий злат престол,
И милой жены своей —
Красавицы Глебовны —
Свячух да обмачив!

С раннего утра до вечера
И с вечера до света
Летят стрелы каленые,
Сабжи о шеломах гремят,
Коняи трещат булатные
В поле незнаемом,
Среди земли половецкой.
И черная земля
Под коньятами
Костями была засеяна,
А кровию полита:
Кручиною они похоскадили
По Русской земле.

Что мне шумит,
Что мне звенит

Типутиный лист первого издания «Слова о полку Игореве» (1800 год).

Там, дзаче
Перед зорями рано?
То Игорь полки поварачивает:
Жаль ему милого брата
Всеволода.
Близкъ так доты,
Былись другой,
А к поладу, на третей день,
Пади знамена
Игоревы.
Тут-то братья между собой
И разуучились —
У быстрой Каяи
На берегу:
И вина кровавого тут
Им неостало;
Тут и пир тот докончили
Храбрые русичи:
Сватов яновичи,
Сама полегини
За Русскую земаю,
Никнет трава от жалости,
А древо с кручиною
К земае приклонилось.

Плач Ярославны

Не копыль ль поют на Дунае?
То слышней мне глас Ярославны:
Кужушкой воззвучивной рано
Кужет она:
«Полечу я кужушкой, —
Говорит, — по Дунаю,
Омочу рукави я боборыши
Во Каяле-реке,
Оботру я князю
Раны кровавые
На отпердедом
Теле его.»
Ярославна рано плачет,
На Путильской стене
Причитая:
«О ветер-ветридо!
К чему, господние,
Вещь нысьлем?
Стрелы поганские
На крылах своих мирных
На воинство милого
Гоняши — к чему?
Тебе не довольно ли было б
Высоко под облаком весть
Да на синем море
Колыхать корабль?
К чему, господние,
По ковылю ты развел
Весье мое?»
Ярославна рано плачет,
Во Путилье городе
На стене причитая:
«О Днепр ты Славунчи!
Камешные горы пробой ты
Сквозь Половецкую землю
И на себе колыхай ты
Лавы свитославовы
До стана Кобяковец.
Приледей, господние,
Моего ладу ко мне,
Чтобы не стала к нему я
Ранней зарю
Слезам на море.
Ярославна рано плачет,
На Путильской стене причитая:
«О светлаго,
Трижды светлого
Солнце!
Тепло и отрадло ты всем!
Так к чему ж, господние,
На воинство милого
Свой луч простираешь
Горчию?»
В поле безводном
Жаждой им луки стянуло,
Колчями кручиной свело...»

Певец

Я сегодня не спал до утра,
Самшаа, тихо звенит домбра,
Самшаа, кто-то горланно ведет
Песню звонкую в дальний полет.

С песней в комнате узкой моей
Ощутил я дышанье морей,
Запах яблонь в цветущих садах,
Запах трав в бесконечных степях.

Я увидел далекий дуг:
В том ауге живет Джамбул —
Мудрый старец в халате цветном,
С иссеченным морщинами обом.

Он на свете живет много лет.
Он костляв, и сутул, и сед.
Но скажи,
кто моложе его?!

Но скажи,
кто сильнее его?!

Молод он, как огнища мой,
Как горячее сердце вождя.
Он силен, как весенний гром —
Слабых нет средь идущих с вождем.

Взглядом дальнюю степь окинь —
Ты увидишь, шагает акын.
Он идет по степи и поет.
Песня плавно, как лебедь, плывет.

Славит он родной Казахстан,
Смуглой девушкой стройной стан,
Он поет о юной Москве,
О птенцах, что щебечут в листве,

О вожде вдохновенно поет!
Его песню внимают народ,
Его песню внимают земля —
От Памира до башен Кремля.

«Сталин!» —
Будет греметь в веках
Эта песня на всех языках.
Эта песня — как моря гул.
С ней ты вечен, великий Джамбул!

А. Куперитов

Великий акын Джамбул

В мае мы празднуем 75-летний юбилей поэтической деятельности народного певца Казахстана орденосца Джамбула.

Джамбулу 92 года. Он родился в 1846 году, в степи, у горы Джамбул.

Еще мальчиком выучился Джамбул играть на домбре. Под звуки домбры пел он импровизированные песни, они были печальны, как жизнь родины Джамбула в те годы.

Песни Джамбула вскоре получили известность среди бедняков Казахстана. В казахских степях была распространена обычная соревования бродячих певцов-акынов. Джамбул постоянно выходил из этих соревнований победителем.

Слава его росла, многие бая предлагали ему стать у них придворным певцом, но Джамбул отказывался от этой чести. Песня его была верной дочерью народа, с народом оставался бедняк Джамбул.

Революция преобразила родину Джамбула, превратив Казахстан в цветущий, радостный край. Революция перевернула песни старого акына — скорбные звуки натрещистой домбры сменялись звонкими, ликующими песнями, славящими новую жизнь.

Послеоктябрьское творчество Джамбула — это поэтическая энциклопедия Казахстана. Песни Джамбула встретила части Красной Армии, разгромившие под командованием товарища Фрунзе остатки козачковских и дуготских банд. Песни Джамбула приветствовали коллективизацию, Джамбул воспевал молодую промышленность, социалистическое земледелие, природные богатства Казахстана.

В 1936 году Джамбула впервые прискал в Москву.

Певец Казахстана стал певцом всей нашей страны. Песни его, переданные на рус-

Народный певец Казахстана, орденосец Джамбул.

ский язык, появились на страницах газет всего Советского Союза.

Джамбул сложил чудесные песни о Пушкине, Шевченко, Руставели и Горьком. Иркими, свежими словами рассказывал о Ленине, о товарищах Ворошилове,

Молотове, Кагановиче, Калининне, Ежове, Микояне.

Но лучше всего, величавее всего звучат его замечательные песни о Сталине. Вот одна из них:

«Сталин! Ты крепость врагов сокрушил!
Любимый! Ты жистель моей души!
Сравнивай тебе не найдут жарчиш.
И у акынов, степных мастеров,
Таких не найдется жемчужин-слов.
С пророком хотел я тебя сравнить —
С пророком не мог я тебя сравнить:
Правду пророк не умел говорить.
Хотел с океаном тебя сравнить —
Не мог с океаном тебя сравнить:
И в океане порой корабли.
С распоротым дном сидят на мели.
С полярной звездой хотел сравнить —
С полярной звездой не мог сравнить:
Она, как приколотая гвоздем,
Вечно стоит на месте своем.
С горани хотел я тебя сравнить —
Из гор тебе неравна ни одна:
У каждой горы вершина являш.
Хотел тебя с полной луной сравнить —
Не мог тебя с полной луной сравнить:
В небе одна холодна и бледна
Свет свой струит лишь ночью луна.
И с солнцем хотел я тебя сравнить —
Не мог тебя я и с солнцем сравнить:
Может и солнце порой изменить —
Светит оно лишь в ясные дни.
Сталин! Сравнений не знает старик!
Сталин, как вечный огонь горит.

Песни Джамбула, как и песни Сулеймана Стальского, — вершина народной поэзии. И в то же время это политическая поэзия, каждый словом своим борющаяся за дело коммунизма.

75-летний юбилей поэтической деятельности Джамбула являлся праздником для всей советской поэзии.

ДОКТОР географических наук

Город Советского Союза, комсомолу Евгению Константиновичу Федорову, астроному-инженеру дрейфующей полярной станции «Северный полюс» присвоено ученое звание доктора географических наук.

В школе его называли в шутку «наш Ньютон». Не по летам любознательный, Жена был признанным вожаком небольшой компании таких же непоседливых и беспокойных ребят. Очень часто по ночам раздавался еле слышимый заговорщический стук в окно. Жена быстро вскакивал, одевался и тихо, старясь не разбудить домашних, высказывался из дома. В окрестностях города, на берегу реки или в лесу, ребята поджидали рассвет. Таинственные шорохи и всплески доносились из темных омутов, под волжскими крутоярами. Сколько бесконечно увлекательных открытий ждало здесь юных естествоиспытателей! На песчаных отмелях и в ослепя ручьях они отыскивали неизвестные им камни. На лесных полянках срывали незнакомые цветы. Много раз лесные пугачи не находили в гнездах своих птенцов: их уносили с собой Жена и его друзья, твердо решившие вскрыть птенца и сделать их ручными.

А дома, загромождая столы, полки и подоконники, с каждым днем росли коллекции растений, насекомых, минералов. Одно увлечение сменялось другим. Вместе со своими приятелями Жена то самозабвенно материал первый в городе коротковолновый радиоприемник, то трудился над аквариумом, то строил обсерваторию.

Однажды директор местной обсерватории разрешил Жене и его приятелю посмотреть на звезды в телескоп. То, что они увидели, ошеломило ребят. Небо открылось им во всей бесконечной глубине. Далеко, в бесконечности мировых галактик, мерцали звезды. Звезды имели свои имена. Путешествие по небу оказалось еще более увлекательным чем ночные прогулки по пригородным лесам. Ночь в нижгородской обсерватории открывала новые горизонты. Так начиналась юность.

Серьезные занятия начались в семидесяти лет, когда Евгения окончила девятилетку. Нужно было избрать специальность. Какую? Хотелось быть инженером: строить, создавать. Заманчиво было стать пилотом: путешествия проводили железные дороги, открывая новую жизнь для далеких окраин. Ну, а инженер — электрики или строители? Все было увлекательно, интересно. Жена подал заявление о приеме в четыре высших учебных заведения сразу. Он сдал экзамен, но принят не был по молодости лет. Только через год поступил он в Ленинградский университет. В 1932 году двадцати двух лет Евгений Константинович Федоров закончил университет по специальности земного магнетизма.

По окончании вуза Федоров сразу же поехал в Арктику. С трелем и ползунком

ехал он в край, о котором мечтал давно. На Земле Франца-Иосифа и затем на мысе Челюскина Евгений Константинович зимовал и работал вместе с Иваном Дмитриевичем Паланиным.

Вспомнил о своем полярном крещении, Евгений Федоров писал: «В ноябре приступил к научной работе. Но и ей предшествовало много черновых дел. Все приходилось делать самим. С ноября все лаборатории были пущены на полный ход. Это время совпало с началом полярной ночи. О полярной ночи рассказывают много «страшного», но когда у человека много работы и когда работа его интересует, времени и когда работа не тягостна, времени даже не хватает и полярная ночь не тягостна. У всех нас было много работы и никакой хандры...»

Первые я увидел Евгения Федорова 19 февраля на льду Гренландского моря. Два советских ледокола: «Таймир» и «Мурман» — положили вилотную к адыне, на которой 274 дня жил и работал коллектив экспедиции «Северный полюс».

Мы бежим по снегу, по льду, падая, и поднимаясь, и снова падая, подравнивая ряды на ходу.

Навстречу нам выбегает убаюканный Иван Дмитриевич Паланин. Его подхватили на руки. Рядом с ним высоко вверх под обихих хохот взлетают Кренкель, Шприв и Федоров.

Больше всех, пожалуй, волнуется Федоров. Он беспомощно машет рукой, но все напрасно.

При каждом новом взлете широко распахивается меховая куртка (хорошо, что она без пуговиц, иначе ни одна из них не выдержала бы)...

Евгений Константинович Федоров.

«Лагерь, просявленный алгерь, шагах в ста — полтораста. Самшно, как там алет «Северный».

— Будем лагерь снимать, — сказал Паланин, отвечая на рапорт Остафьева.

Будем лагерь снимать? Но нам хочется сохранить его вот таким, какими мы его увидели, чтобы не только мы, но тысячи десятков и сотни тысяч советских людей сами побывали на адыне, зашли в снежные дома, где жили паланины, осмотрели их научные приборы.

Комсомолец, молодой ученый Федоров, показывает нам легендарный лагерь. Федорову всего 28 лет.

В 28 лет осваивать Северный полюс, куда столетия стремились лучшие из смельчаков! Какое прекрасное начало жизни, как много вперед!

По снежному покрову протоптали тропинки. Вдоль оной из них флажки. Это дорога на аэродром, который только вчера унесло. Другая тропинка приводит к остаткам хозяйственного склада. У яма, оставшейся от склада, недалеко еще зияла широкая трещина. Срежеч ее загнумо молодым льдом.

Жена Федоров рассказывает о той тревожной ночи, когда близившаяся адыня расплывалась как глина и все они пришли сюда, чтобы, рискуя жизнью, спасти запасы одежды и снаряжения. Трещина пропала так, что дверь хозяйственного склада провисла над водой. Кроме того ее изрядно завололо снегом. Было очень легко провалиться в бездонный ручей. Выход из этого неприятного положения нашел Паланин. Орудуя тяжелой пешней, он разворочил крышу склада, пролез в эту дыру и, балансируя на шпиках, стал выбрасывать вещи наружу.

Чутье подсказало,

Последний день дрейфующей станции.

О вырванных художником А. Морозовым.

что центром того крошечного ледяного осколка, на котором предстояло прожить последние дни дрейфа, будет ветряк. Сюда, подложно ветряку, и смонтировали Обещание путь застрявших формами: до рассвета было еще далеко, а летучие мыши беспечно задували ветер. Это был страшный, слепящий свет, который достигал 22 метров в секунду. Из-за пурги почти ничего нельзя было разглядеть, но все четверо работали весело и дружно. Как только разгудали ветер, пришлось вынуть ялужку палатку под, не взошла трещина. Поставили у ветряка шоловые пакеты для жилья и радиостанции. Новые трещины начали гorges, складывалось было вынести горючее, продовольствие, одежду...

К рассвету немого стихло. Странный, недолгий пейзаж открылся перед глазами. Вместо привычных очертаний огромного поля вокруг чернели неземные торсы, за обломками ледяных полей зияла трещина. Ребристые льдины, раздвинувшие воды, перемещались как толпы. Нужно было вместе отчаянно тренируемые нервы, чтобы работать на этой сумасшедшей карусели. Люди работали.

У Евгения Константиновича трудно что-либо узнать о нем самом, о его работе на льдине. Рассказывая о зимовке, он предпочитает говорить о других людях в «земельной форме»: «мы строили», «мы жили», «мы отогрели» замечательного коллектива четырех товарищей — все было построено на взаимопомощи, на общем труде: Федоров неплохо работал вторым радистом, Паннин — вторым были запасными метеорологами и астрономами, Ширинов — по специальности был врачом — отлично справился с обязанностями гераролога и врача. Их с Федоровым были свой огромный и ответственный участок работ.

Кое-что мы все-таки узнаем у Федорова. — Ну, четыре раза мы проводили метеорологические наблюдения и сообщали данные на материк... Какой бы ни была погода: шел ли дождь, бушевала ли пурга, — метеорологические наблюдения все равно осуществлялись. По утрам очень не хотелось вылезать из теплого спального мешка. Спали в одном белье, а за ночь температура в палатке почти что становилась отрицательной. Поэтому утром до последней секунды, а потом одевались молниеносно, словно на пожар. Астрономические наблюдения. Их было много, как ни в одной другой экспедиции. Летели самым точным образом каждый раз установить азимут льдины. Летом донимают туманы и туман. Тепло идет, покрытый чешуей, всегда стояла наготове, чтобы можно было воспользоваться даже небольшим прорывом в облаках и сразу «поймать» солнце. Сидишь, ждешь. Только облака рассеивает, покосеря чернели карманные часы и хронометр. Выстыли солнца измерить не два раза, а раз двадцать. Для проверки, чтобы не ошибиться.

Летом лагерь был очень живописен. Кругом горы, ручьи пресной воды. Мы да же на байдарках по нашим морям катались. Правда, эти «экскурсы» для работы были весьма неустойчивы. Проклятый перелет, не успевая тащить снег и подсыпая под прибор, чтобы ровно стоять. Потом подставками служили книги. Крекель и Ширинов очень гудели, а ям все больше и больше. В сентябре солнце отступило очень низко. Оно ходило по ветви почти у горизонта. Почти подлая джиза. Пурпуром окрасивались и льды и небо. Отсюда и название. В сентябре солнце отступило очень низко. Оно ходило по ветви почти у горизонта. Почти подлая джиза. Пурпуром окрасивались и льды и небо. Отсюда и название. В сентябре солнце отступило очень низко. Оно ходило по ветви почти у горизонта. Почти подлая джиза. Пурпуром окрасивались и льды и небо. Отсюда и название.

вещение. Это был условный сигнал. Я тряс микрофон, стучал по нему, повторял отчет, пока свет в палатке снова не загорался; это означало, что сигнал был получен. Это и была главная особенность наблюдения? Очень много. Теоретические представления о форме земного шара в окопешном районе до сих пор были далеки от истины. Посто об этом, что вездешная сила требовала от людей, так беззаветно служивших науке в суровых условиях полярной ночи, когда за каждый час льдины могла лопнуть, рассылалась, разойтись по ветру. Это было исследование на полноте была серьезным испытанием для теоретических позиций молодого астронома-магнитолога. Об этом Евгении Константиновичем позднее рассказывал на собрании окомомольцев и молодежи лагеря «Ермак».

Полое — это точка, где нет долготы и вместе с тем есть любая долгота. Все меридианы сходятся в этой точке. Но по вечерам под ногами и во все стороны открывается видна юг. Откуда бы ни дул ветер, он всегда будет южным. Куда бы ни несло ветер, он всегда уходил на юг. Это и был разрыв: тут. Еще собираясь на полюс, Федоров и его товарищи — астрономы — задумались над этими «мгновенностями». Никак нельзя было согласиться с тем, что долготы и близки него нельзя определить направление ветра и дрейфа так же, как и в любой другой точке земной шара.

От употребления общими географической системой отказались. За исходное для всех ориентиров направление был избран гринвичский меридиан. Этот меридиан, как и все параллельные ему линии, считали «параллелью юг — север». Юг — полюс! Условная линия «юг — север» уходила в обе стороны северного полушария. Где-то у обсерватории Гринвича, «близки Юга» была введена условная линия. Подходящая к Чукотскому полуострову, и это был условный север. Расположенные между 0 и 90 градусами восточного полушария острова Северной Земли на карте Федорова были «востоком». Североамериканское побережье лежало на «западе». Так на полюсе было некуда идти в обе стороны сета, по которым ориентировались.

Но вернемся в лагерь. Мы обходили его, осматривая каждую ямочку. Федоров по-прежнему выискивал новые страны сета, уходящую поверху узких выходов. Неожиданно из снежной радиобудки кричит Крекель: — Жена, срок!

— Эх, черт возьми, забыл совсем!... Объявка карманов и обнаружил запянувшую юбку, карандаш. Евгений Константинович поехал к метеобудке. Ее уже обступили киноаппараты и фотографы. Шутка ли: последняя метеорологическая дрейфовая будка Федорова никого не видит. Он срывает и сордоточит. Он измеряет скорость ветра 2 метра, 1 балл. Облачность — нуль. Температура воздуха — минус 3. В метеобудку одна сложнейшая из снежных киричек. После дшей широта и лонги паннинцы построили это новое жилище. С каких соображений — не знаю, но вместили они свой старый уютный и вместительный палатку-дом!

Выглядело это новое снежное жилище так. Яма — три на пять метров. В верхней части рядом смята — она сделана из меха оленя. Дальше — лежанка, устланная шкурами. В углу акушка, на снежном выступе, напоминающем лунку, большая керосиновая лампа. Собственно говоря, это две лампы по резервуару их соединены Иваном Дмитриевичем. Стоит прыгнуть, на нем закоптелась и порчилоно имитный чайник (таким образом и чайник и чайник в экспедиции дмской с деревянными ложками. На ложках выпарано: «Паннин», «Крекель», «Ширинов». Собственно говоря, в снежном жилище было полно. На этих полках лежат книги, фотоаппараты. Чемады, набитый тетралями, служат туалетными столиком. На чемады

не мыльницы с еще не замерзшим разведенным мылом. Вылетают пакетики со всевозможными концентратами: тут и суши, и котлеты, и консервы.

Копка Федоров освободился, он пошел на дальше — в старую палатку, которую оставили, когда под ней прошла трещина. По скользящей поверхности палатки кошку пробрались «внутри». Темно. В первой комнате на полочке старательно приборой Паннинным, является мисюрбука. Это давно не пользовались, и прозеруть проржавевшие кнопки удается с большим трудом. Да ведь свежее мясо давно вышло... Сбоку, в снежной стено, видна дыра. В нее с трудом может пролезть человек. Гора идет далеко, но туманней. Еще однажды Федоров пролез под снег глубокою траншею от жилой палатки к своему гравитационному шкафу. Пурга засыпала ее. Тогда предпринимались попытки сделать ледяную дорожку, а Крекель осветил его крошечными электролампочками от фонаря. Можно было, да вышло наружу, пробраться в палатку и в темноту проследовать за всякого рода наблюдениями.

Во втором бывшем жилище отделения сыро. Под ногами хрустит лед. Огнями шкуры, лежащие на полу, основательно сгера. Паннин всегда укладывался на выдохом морских волостей. Уже много дней спустя любую вещь, вступая из лагеря, можно было отгнать по этому запаху. Тетради, дневники гераролога, а также мисюрбука, прибористый, удивительно легкой, прозерневшей материи, книги, даже приборы долго хранили этот запах.

Вскоре в лагерь пришел лагерь. Федоров уходит с последней нартой. На ней его прибор, журналы, драгоценные записи и пробы Ширинова. Нагруженные останавливаются у одной из торосистых гряд. Вскоре все ушло в сторону. По полюсу торосе гордо развевается государственный флаг СССР. Всего лишь несколько часов назад здесь был, существовал легендарный лагерь запоздалого колонизатора — лагерь советских людей, четырех друзей. Федоров тоже молчит. Потом он махнул рукой: — Пошли...

В своей исторической речи на собрании избирателей Сталинского избирательного округа Москвы товарищ Сталин выразил окомом общественного деятеля Ленинского тина.

Молодой ученый, депутат Верховного Совета СССР, член лекционной комиссии Евгений Федоров своей работой за 274 дни дрейфа на льдине доказал, как и его товарищи, что он овладевает ленинско-сталинским стилем работы. Паннинцы были свободны от всякой паники, от всякого подполья, от всякого лезвия, от всякого оскопления и на горизонте вырисовывалась какая-нибудь опасность. Они были мудры и неторопыги при решении сложных вопросов. Они были выносливы, организаторы и всесторонний учет всех плюсов и минусов. Они работали, не щадя своих сил и даже жизни, во славу родины и советского народа.

Огромна ценность наблюдений, произведенных на далеком Севере паннинцами. Многие установившиеся в науке представления подлежат пересмотру. Приоткрыты завесы над тайной арктического и антарктического бассейне. Развевана легенда об отсутствии жизни в сердце Арктики. Краткие, предельно точные доклады, которые регулярно, ежесезонно представляли паннинцы, являются новым в знаниях людей о нашей планете. Подлинный паннинцев высоко советскому обществу и человечеству. Их вклад принесено такое значение доктором географических наук.

После поездки к своим избирателям доктор географических наук Евгений Федоров приступит к детальной разработке собранных им материалов. Его открытие войдет золотой страницей в книгу советской и мировой культуры.

Завоеванная крепость

Студенты Механико-машиностроительного института имени Баумана на практических занятиях в гидравлической лаборатории. Слева направо: тт. Ширшевский, Байбоков и Ломакина.

В зале было очень тихо. Малышев заканчивал доклад. Он уже рассказала студентам о работе I сессии Верховного Совета, о встречах с депутатами: академиками, колхозниками, шахтерами, писателями... В конце доклада он остановился на своей депутатской работе. Каждый выходной день, а часто и не в выходной в Колхозу приезжают люди со всего района. Они приходят на квартиру к своему депутату, пьют чай и в спокойной домашней обстановке рассказывают о своих достижениях и ошибках, просят помощи и совета. Это дает неразрывную связь с народом, заставляет по-новому осмысливать свою работу на заводе. На своем личном опыте он, Малышев, на каждом шагу постигает всю глубину и правильность сталинских слов, обращенных к ларной конференции пролетарского студенчества:

«Не отрыв от масс, а теснейшая связь с ними; не ставить себя над массами, а идти вперед масс, везя их за собой; не отчуждаться от масс, а ситься с ними и завоевать себе доверие, поддержку масс, — такие новые пути хозяйствования нового колхозного хозяйства».

Студенты слушали внимательно... Биография Малышева, его путь от завода к втузу и из втуза снова на завод исключительно интересен.

В 1930 году Малышев был послан на учебу. До втуза он работал машинистом тепловоза, еще раньше — машинистом паровоза, помощником машиниста, сеслером...

Будучи машинистом, он уже учился. Еще не закончив втуза, он уже сконструировал товарный тепловоз с мощностью механической передачи в 23 тысячи лошадиных сил.

И. И. Ленин. И. В. Сталин «О молодежи», стр. 176. Парижград, 1936.

Студенты Аронова и Коган в лаборатории металлографии.

Дипломный проект Малышева с конструкторской борю на Коломенском заводе имени Куйбышева. В 1936 году, по предложению парторганизации, его выдвинули на должность заместителя начальника машиностроительного цеха. В 1937 году он стал главным инженером и заместителем директора завода и был избран депутатом в Верховный Совет от Коломенского округа.

Малышев пришел в Институт в 1930 году. В институтских аудиторных сидела люди, немолодые, прошедшие серьезную школу производственной и партийной работы. Борьбу партячейки робко спрашивали у профессоров, что такое интервал, а через час до хрипоты спорили с ними же о задачах коллективизации. В 1930 году в Институт пришли партячейки и профсоюзники — люди, сознававшие, что их личная работа, их личная учеба — крошечное дело партии и всего рабочего класса. Они боролись за создание технической учебы с политическим воспитанием будущих специалистов, людей из рабочего класса. Малышев был одним из этих людей.

Втуз, который он блестяще окончил, называется ММИИ: Московский механико-машиностроительный институт имени Баумана.

«Перед нами стоит крепость. Называется она, эта крепость, наукой с ее многочисленными отраслями знаний. Эту крепость мы должны взять во что бы то ни стало. Эту крепость должны взять молодежь, если она хочет быть строителем новой жизни, если она хочет стать действительной сменой старой гвардии».

(И. Сталин. Из речи на VIII съезде ВЛКСМ).

По узкому коридору Института, где на каждом шагу возникают светлые экраны «Теле! Идут занятия!», проходят студенты. И первое, что бросается в глаза при взгляде на них, — модные и дорогие пор как Мамаева окончила Институт, прошло четыре года, а в эти студенты резко изменился. Редко старше 25 лет. В Институт принято много отличников из школы. Первокурсники проходят в аудитории. Встретные возмущены, небрежный вид кажется им дедовским, ашмаком. У студентов старших курсов деловитая походка, они подтянуты и куратны, для них время ребяческой «сладости» уже прошло.

В профсоюзный страстный спор. Студент первокурсник заявил, что он не будет ходить на обязательную физкультуру.

— Откуда это ребячество бестоварое! — возмущается преподаватель. У студента молодой техник с Коломенского завода. — Через два года приедешь на завод и первый, кому ты подчинишься, будет гукал. Да, да, самый обыкновенный заводской гукал.

Я на завод инженером приеду, — важно возражает первокурсник.

— Такой должности не существует. Есть инженер, главный инженер, начальник цеха, и все они подчиняются начальнику и гукалу — тоже.

— Ну, то — производств, а то — Институт. — Оцене надо в Институте, — капризничает товарищ.

Худков понимает, что товарищ спорит только из упрямства. Но все же он задумывается потом над этим разговором. Мало значительным разговором. Он думает о том, что для окончившего десятилетку каждый предмет — еще одна дисциплина. А наука складат на стартом ином посредственности. Никаких открытий, никаких революций. — А для него, Худкова, первая лекция о корабле скоростей — была революцией. За три года до этой лекции на Коломенском заводе, в конструкторском бюро, ему дали расчет корабля скоростей.

В первую минуту — полтора часа, да техника справочник. Расчет был сделан с трудом, не усвоен, и было ясно, что в следующий раз оплот придется обращаться за помощью. А после лекции повисла полная уверенность, что расчет можно сделать самому и не хуже инженера. То же самое повторилось и в курсе станков. — Всякая выгода с заводским опытом, прочно укладывалась в голову. Худков знал цену институтским лекциям, потому что уже видел горячку людей, прошедших от недостатка знаний.

«В маленькой аудитории собралась группа «НТ-81» — это четверкурсники, лучшая группа в Институте. Они просят разрешения. Проверка содоговоров — отнюдь не парадное мероприятие, проводившееся раз в полгода, для порядка. Комитет комиссии так поставил себя к техническому образованию в Институте, что оно явилось на успеваемости не меньше чем прогрессивная стипендия и отметки профессором.

Обязательства в группе «НТ» самые разнообразные:

«Пятельно проработать и изучить «Государство и революция» Ленина. Сдать статью в местной сборник трудов кафедры сопротивления материалов. Организовать кружок английского и французского языков. Окончить проект поршневого насоса. Написать через МОП переписку с испанскими товарищами. Сдать все семестры на «Солончак». Организовать экскурсию на Волжском».

Кто-то жалует, что проект не готов, потому что не было еще заданий. Группа решает идти к профессору Куколевскому заведующему кафедрой гидравлических машин. Студенты говорят о Куколевском с уважением. Профессор требует от студентов постоянного живого внимания к предмету. Важно соотносить, быстро ориентироваться в технических вопросах, а не заучивать вещи, которые в практической работе

всегда можно проверить по справочнику. Зато, если студент, прийдя сдавать экзамен по специальному предмету, не сможет ответить на вопрос из области теоретической дисциплины, профессор обязательно отойдет его поучить. Он знает способности и интересы каждого студента группы, и он постоянно чуток. Профессор сам ходит по путевке в санаторий для больной студентки.

Студенты переходят к другим темам. Говорят о Бетховене, о котором студент Рихтер недавно сделал доклад на группе, о последней сводке с фронтов Испании и Китая, о романе «Хлеб». Затем студенты расходятся.

«...В общедетский Рихтер, раньше чем зажесть свет, на ходу включает тромофонорилет. Соседей нет дома. Передают увертюру к «Русланду и Людмиле», и отложив историю «Кветровой вилчеление», Рихтер доживает на кроватке. Музыка, русская музыка. Как в детстве, в Тарасполе, в городском саду. Он вспоминает, как приходила к отцу — гильзовому механику на табачной фабрике — и голова кружилась от мелзодного запаха табака. В то время несложная аппаратура табачной фабрики казалась загадочной и недоступной. А теперь гидравлическая лаборатория, самостоятельные занятия и через год — открытый путь к научной работе.

В это же время в одном из домов Красной Пресни студент Рафаил Коган уже отложив учебники и развернув последний номер «Интернациональной литературы». За четыре года занятий в Институте он не проспал ни одной ночи над чертежами, ни разу не задержался над учебником после десяти часов. И все четыре года он был отличником и вел большую общественную работу. Уменьше максимально использовал день он получал на заводе.

Еще одно ценное качество да ему завод — умение работать с коллективом. В школе человеку легче сорваться, начать пересориться с товарищами. В конце концов учеба может от этого и не пострадать. На заводе человек делает одно общее дело с товарищами и нервозность, неуемные договориваться с людьми отражается на работе всего коллектива.

После окончания Института Коган мечтает вернуться на свой завод так же, как вернулись Малышев и другие, окончившие Институт.

Краснознаменный Механико-машиностроительный институт имени Н. Э. Баумана —

старейший из вузов Москвы. Он существует больше ста лет. Мало кто из студентов знает историю Института. Присутствие в нем Ремесленного училища в Высшее императорское техническое училище, где в странном сожителстве существовали преподаватели и студенты, и косные методы преподавания. Мало кто из студентов подозревает об «Общих правилах Технического училища», с помощью которых десятки лет учились на инженеров. Мало кто знает, какое высокое прование солидарности студенчества. За участие в кружках и студенческих организациях следовало немедленное исключение из училища, самые невинные коллективные выступления строго карались: «Запрещается посылка адресов, жалоб, вышенаправлений от целого класса или отделения. Не разрешается принимать участие в брань на себя устроителю концертов, спектаклей, чтений и других публичных выступлений».

В 1906 году «Гравана» были отменены. Училище было закрыто для занятий, но в нем немые дни шли митинги, манифестации и собрания. В нем помещался штаб Московской партийной организации — Московский комитет РСДРП. В 18 октября 1905 года в стены Училища привели толпу зверски убитого черносотенцами большевика Н. Э. Баумана. Тепо Баумана заморозил в химической лаборатории Училища. Ослодо граба все дни шли митинги. Тысячи рабочих прилегающих районов, начиная с рабочих Гужова и кончая предпринимателя Багузинского района, побывали в эти дни в залах Училища.

В 1917 году осуществляется требование партийной программы, гласящее: «Открытие широкого доступа в аудитории высшей школы для всех желающих учиться и в первую очередь для рабочих».

Борьба за пролетарскую высшую школу встретила с первых же дней ожесточенное сопротивление классового врага. В МЭТУ училище, получившее образование в первую очередь одной из цитателев российского капитализма, — эта борьба приняла особенно ожесточенный характер.

Появлялись специальные постановления правительства, запрещавшие студентам пользоваться многому волею пролетарского студенчества, чтобы изгнать из стен Института отсталость и консерватизм, а во многих случаях и вредительство.

Сколько разных поколений воспитывалось в стенах Института! Незаконнорожденные, «зазорные младенцы» Ремесленного училища, носившие потом презрительную кличку «кострюшников». Белопольщанин, дети крупных промышленников и чиновников, из которых вырастали верные саги русского капитализма. Представители разночинной интеллигенции, уклонившие из Института на катуру и в подполье. Герои гражданской войны, партизаны, партячейщики и профбастычники и, наконец, революция Октября, воспитанники советской школы и молодые стахановцы.

До Октябрьской революции Московское техническое училище выпускало в среднем 80 инженеров в год. За одну только первую сталинскую пятилетку МММИ дал 955 инженеров, а в 1937 году Институт выпустил 690 инженеров. Командир производства: дизельстроители, металлурги, паровозники, турбинщики — еще недавно работали у станков, на колхозных полях, учились в советской школе. Это к ним обращены были слова товарища Сталина, сказанные им десять лет назад на VIII съезде ВЛКСМ:

«Овладейте наукой, выковытайте новые кадры большевистско-сталинских кадров, и все остальное — знания, учиться, учиться, учиться — учиться упорнейшим образом — такова теперь задача. Поход революционной молодежи на науку — вот что нам нужно теперь, товарищи».

И советская молодежь осуществляет эту задачу. Она завоевывает крепость науки темпами, не мыслимыми для царской России, невозможными для капиталистического мира.

Сдан зачет...

ЧТО МЕШАЕТ ОЛЬГЕ РАСТИ?

В № 3 журнала «Смена» было напечатано «Письмо другу», написанное комсомолькой-стахановкой одного из харьковских заводов. В этом письме говорится о неучтум отношении комсомольской организации к нуждам и запросам отдельных групп молодежи, в частности комсомолок-матерей. Ниже публикуются отклики на «Письмо другу».

Начиная с этого номера в «Смене» будут систематически печататься письма читателей, затрагивающие интересные, горячие вопросы труда и быта молодежи и воспитательной работы ленинского комсомола.

О РАВНОДУШИИ

С большим интересом прочла я «Письмо другу», написанное харьковской комсомолькой Клавой. Откровенно говоря, письмо это меня сильно взволновало, потому что оно отражает судьбы многих девушек-комсомолок.

Несколько месяцев назад я похородела сразу 7-месячной чурку. Не уберечь ребенка и лишиться того, о чем так долго мечтала.

Живу я за городом, в Сатмыковке. Ехать туда надо «электричкой» полчаса да еще от станции пешком идти минут 10. Ребенка оставлять дома не могу, потому что было: муж учится, целый день в Москве, приезжает только почитать. Возврата же не бывает: день с собой в ясли, ну и застудала...

До рождения дочери я была деловой заведующей комсомолом. Работала вставкой в цехе в прокатном цехе. Но вот повзросл ребенок, а с ним — хлопот, забот, волнений, тягот. Дочка отнимала массу времени, нуждалась в моем внимании, уходе, ее надо было кормить, беречь, поднимать на ноги.

Ясли, конечно, помогали. Но ясли ведь не весь день. И когда кончался рабочий день, я спешила скорее за дочкой и на поезд. Однажды попробовала пойти с Леночкой на заседание комитета. Присидела она несколько минут спокойно, но вдруг заплакала. Пробовала успокоить — не удалось. Ребенок кричит все громче. Пришлось уйти. Больше я уже не пыталась ходить ее с собой — перестала совсем быть в комитете.

Да что — в комитете? И я на собраниях в цехе не могла оставаться. И не я одна. У нас на заводе несколько десятков комсомолок-матерей, и большинство из них отшло от комсомольской работы, не посещает ни кружков, ни школ, ни курсов.

В прокатном цехе работает Надя Федотова, как и я, — старшая комсомолка. Тоже была стахановкой. Работала электромехаником в слесарной бригаде. А когда у нее родился ребенок, то Надя потеряла возможность работать в своей бригаде и в вечерней и в ночной сменах. Она может выйти на работу только с утра. Ее ведь никто не захочет все время заменять по ночам, вот и нужна была уйти из бригады и теперь работает главным образом по ремонту электро-

оборудования. Надя Федотова — теперь не стахановка.

Автор письма — Клава — пишет об организации политучебы на дому для комсомолок, имеющих детей. Это — очень хорошее, дальнее предложение. Правда, у нас на заводе, например, и так не хватает пропагандистов для комсомольских школ, но мне кажется, что об этом стоит подумать, стоит проявить интерес, тогда, несомненно, найдутся и пропагандисты и все возможности.

А вот именно этого желания, заинтересованности у многих заводских комсомолок-матерей. Ведь все же знаем, как мне тяжело было с дочерью, все видели, что я нуждалась в товарищеской поддержке, но никогда ни от кого я не услышала ни одного участившего слова, не получила никакой помощи.

Я отлично сознаю, что вместе со всем комитетом я тоже несую полную ответственность за нашу неучтум отношение к быту молодежи (а ее у нас на «Серпе и молоте» несколько тысяч человек). Я должна была ставить, и не один раз, вопрос о созыве девушек-стахановок, комсомолок-матерей и других групп молодежи. Но в эти другие акты активности этого не делала. Мы продолжаем отмахиваться от острого, волнующего молодежь вопроса быта, роста, преодолим мы насущных проблем семьи, учебы, воспитания детей.

К нам в первую очередь относятся указания ЦК ВЛКСМ, сделанные в ответ на письмо комсорга перского завода имени Серго Орджоникидзе тов. Момрова о том, что если комсомольский организатор не будет заботиться о повседневных нуждах комсомольцев и молодежи, он не будет знать ее жизни и настроений. И если не будет знать, над чем ему работать. Будет внегодным от политики. Молодой человек воспитывается не только на производстве, но и в быту...

Заместитель секретаря комитета комсомола завода «Серп и молот»
П. ФЛОРИНСКАЯ
Москва.

В «Письме другу», напечатанном в мартовском номере журнала «Смена», говорится о трудностях роста для комсомолок-стахановок: Клава — автора письма — и ее подруги Ольги. Я сама комсомольщица и прекрасно понимаю затруднения Клавы. Но вот жалобы Ольги кажутся мне малоубедительными.

Кто это мешает ей учиться, ходить в театр, слушать концерты, читать книги? Почему ее стыдно спрашивать у парня (тем более будущего мужа) о том, больше ли знает, в чем плохо разбирается? Неужели честнее молчать, прикрываясь культурным человеком?

Ольга собирается расписаться с Васей. Ее бы скоро будет не отгадано от его быта. А в этом положении достоинства и недостатки их обоих обнаружатся очень быстро. И может получиться очень печальная история: парня увидят ее близкие, узнают настоящий уровень ее развития и, возможно, разочаруются в ней. Так, к сожалению, бывает. Сначала могут и даже кажется очень хорошим, обстают о том, о сем, о всяких нелепых, похвастаются — и лишь тогда по-настоящему узнают подлинное качество человека. И ломаются жизни, повернется молодость, появляются озлобленность, зависть, несомненность собой, окружающим.

Не лучше ли быть совершенно откровенной с любимым человеком, рассказать о себе, не стесняясь? Пусть он поможет расти, подниматься.

«У меня хоть ребенок, а тебе что мешает заниматься, читать?» — спрашивает Клава свою подругу.

«Видишь ли, никто не мешает мне, но никто и не подталкивает», — отвечает ей Ольга.

Неужели Ольга может учиться лишь при том условии, если ее будут подталкивать, напоминать об этом? Она же сознательная человек, стахановка, достаточно хорошо разбирающаяся в таком вопросе.

Неужели ей требуются особые напоминания о необходимости учиться, и читать самую разнообразную литературу? Пусть приходит в библиотеку еженедельно и художественную книгу, и техническую, и политическую — все, что угодно. Я, конечно, стою за кружок комсомольской организации с библиотечкой, я за то, чтобы комитет комсомола интересовался тем, что читает молодежь, что следует рекомендовать, о чем полезно поспорить, какую книгу обсудить дома. Но если комитет этим не занимается, то нельзя же поэтому вообще ничего не читать.

Мне кажется, что мы порой предлагаем излишне претензии к нашей комсомольской организации. Для нас построены замечательные дома культуры, библиотеки, стадионы, театры, учебные заведения. Созданы все условия для роста, для культурно-

го проведения отдыха. А мы ходим и злимся: не растем, отстаем, никто не подталкивает... Где же, как ни у нас, и разное кому же, как не нам, и пользоваться всем этим огромным богатством?

Нет, Ольга, я тебе не могу пойти навстречу, но тебе надо жалеть и упреков комсомолу.

Совершенно иное положение у Клавы. Я воспитывала своего ребенка (сейчас моему сыну уже 3½ года, и мне стало значительно легче) в несколько иных условиях чем Клава, мне было, конечно, легче чем ей. Муж мой учится и работает, а мы смогли нанять домашнюю работницу. Поэтому я не бросила комсомольской работы, оставив членом бюро цеховой комсомольской организации, посещала заседания.

Мне легче было и с учебой. Муж — член партии, пропагандист, он помогал мне догонять товарищей на политехнике, когда я получила университетское образование, получила несколько знаний. Вообще от мужа зависит очень многое. Он должен делить вместе с женой эту трудность и помогать, чем может. Тогда у жены не будет необходимости обеднать свою жизнь. Меня, например, появление ребенка не заставило отказаться от своего увлечения шахматной игрой, и в 1932 году, когда сан был совсем крохотным, участвовала в женском шахматном турнире по нашему союзу заявляю машинистку, а также первое и второе места.

Вот Клава имеет полное основание обвинять комсомол в неинициативности, в отсутствии чуткости. Но и с ней также можно поспорить. Учиться можно и нужно в любых условиях. Пусть прочтет она «Комсомольскую правду» от 6 апреля 1938 года. ЦК ВЛКСМ в ответе комсоргу Цеховиков пишет: «Независимо от условий, в которых некоторые перестали посещать учебу по той причине, что живут далеко. Большинство умеют учиться в любых условиях; учились в годы гражданской войны, не выпуская винтовки из рук, заглядывая в книгу в промежутке между боями». Политическую учебу надо организовать не только в цехе, но и в кружках, и не только в кружках, а также путем самообразования... Неправомочность и некультурность. Комсомол не желает быть организатором, культурным, инициативным строителем социализма.

Я считала, что в газете о том, что на Краматорском заводе хорошо организовали политическую учебу с комсомольскими курсами, обведено опровержения. И вообще много возможностей для создания условий нам, матерям; мы хотим быть полноценными строительницами социализма.

Комсомолка-плановик механо-строительного цеха завода «Ильич»
К. БОЙКО

Памятные ДАТЫ

День печати

Большевистская «Правда» впервые проследовала походом правительством. Чтобы обойти цензурную пещеру, «Правда» часто меняла свой заголовок.

5 мая (22 апреля старого стиля) 1912 года в Петербурге вышел первый номер ежедневной большевистской газеты «Правда». 22 апреля 1914 года, в двухсотую годовщину «Правды», партия большевиков впервые провела «день рабочей печати». Следующий День печати был отмечен 5 мая 1917 года, в пятилетнюю годовщину «Правды». С тех пор годовщина основания «Правды» является днем славы достижений большевистской печати.

Издание легальной рабочей газеты Ленин считал кровным, напуская на нее слухи, «Славные «Правды», — писал он в статье «Итоги полугодовой работы», — остаются выдающимся доказательством сознательности, энергии и сплоченности русских рабочих».

«Правда» продолжала дело ленинской «Искры»: она укрепляла и сплачивала ряды революционной пролетарской партии, шла в борьбу за создание меньшевистско-либераторов из рабочих организаций, так же как за десять лет перед тем Искра укрывала и сплачивала ряды революционной социал-демократии, атакуя по всему фронту агентов буржуазии в рабочем движении — «экономистов». «В центре этой борьбы за партийность, за создание массовой рабочей партии стояла «Правда», — писал товарищ Сталин в 1922 году.

Ленин направлял всю работу «Правды» из-за границы и был ее активным корреспондентом. Ленин разоблачил на страницах «Правды» Душанку-Троцкого, сковавшего вместе с ликвидаторами антимбольшевистский, контрреволюционный «агустовский блок».

В организации «Правды» руководящее участие принимал товарищ Сталин. В промежутках между арестами и ссылками товарищ Сталин непосредственно руководил работой «Правды».

Товарищ Молотов был секретарем редакции «Правды» до своего ареста 15 октября 1912 года.

«Правда», теснейшим образом связанная с рабочей массой, ежедневно печатала десятки тысяч рабочих и хозяйских приписанных, о забастовках, о работе профсоюзов. Со всех концов страны рабочие собирали буклеты для выезда в фонд «Правды».

Накануне мировой войны, 21 ноября 1914 года, царское правительство закрыло «Правду». Издание «Правды» возобновилось после извержения содержания, 18 марта 1917 года. 18 июля банда конюхер разгромила типографию «Правды». Газета была запрещена. Временным правительством, но она все же продолжала выходить, постоянно меняя названия, как ей это уже приходилось делать для защиты от царских жандармов.

Ленинско-сталинская «Правда» сыграла виднейшую роль в

борьбе за сплочение сил большевизма и рабочего класса, за поединок диктатуры пролетариата и торжество социализма. Большевистская неустрашимость «Правды» со всем врагом коммунизма завоевала ей огромную любовь и популярность среди рабочих всего мира.

В 1912 году единственная в России легальная большевистская газета «Правда» имела тираж 60 тысяч экземпляров. В 1936 году в Советском Союзе выходило 9250 газет с тиражом

в 37 миллионов 971 тысячу экземпляров, из которых на «Правду» приходилось 1 миллион 900 тысяч экземпляров. По указанию ЦК ВКП(б), День печати в этом году был отмечен созывом деловых собраний актива партийных, комсомольских, профессиональных организаций и работников печати, партийно-комсомольских собраний на предприятиях и в деревнях с широким участием рабочих-крестьянских корреспондентов.

Вольтер

(160 лет со дня смерти)

Жестокие гонения и огромная популярность принудило перебраться в жизнь изгнанного французского писателя Франсуа-Аруэ Вольтера. Два раза королевское правительство сажало его в Бастилию, два раза он был в ссылке. 24 года он прожил в местечке Ферни, на границе Швейцарии и Франции, чтобы иметь возможность в любой момент спастись от ареста. Этот изгнанный, бывший в опале у французских королей, пользовался таким влиянием, как ни один человек в Европе.

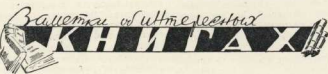
Вольтер скончался 30 мая 1778 года и был тайно похоронен далеко от Парижа, так как церковь отказала ему в погребении как безбожнику. В 1791 году, во время французской революции, его гроб был торжественно перенесен в парижский Пантеон, бывшую церковь, превращенную в усыпальницу великих людей. В 1814 году, после падения Наполеона, банда реакционеров вырвала кости Вольтера из могилы и выбросила их на свалку.

Вольтер был замечательным стиркиром и памфлетистом. Всю силу своего огромного литературного таланта он обратил на борьбу с церковью. «Раздавите гадюгу!» — таков был клич, с которым он всю жизнь боролся против церковников. Сатириче-

ская поэма («Орфанская детвора»), трагедия («Магомет»), роман («Кандид»), памфлет, философский трактат — все литературные жанры, которыми Вольтер владел с необыкновенной гибкостью, он применял для нанесения беспощадных ударов заклятому врагу.

Фашистские мраморщики XX века боялись бьющегого смеха Вольтера над всем, что противоречит разуму, не меньше чем церковники XVIII века, свангавшие его книги на кострах.

Артиллерия

Госвоениздат. 1938. Цена 7 руб.

Роль артиллерии в современном бою огромна. Артиллерия обладает громадной силой и мощью огня из всех родов войск... Артиллерийский огонь расчищает путь всем наземным войскам в наступлении и прерывает путь врагу в обороне... — так четко и коротко определен называемая артиллерия. Временный полковник РККА Центральный комитет нашей партии и лично товарищ Сталин уделяют исключительное внимание артиллерии — этому мощному и грозному оружию современной армии.

Артиллерия Красной Армии вырабатывает крепкие кадры передово знающих свое дело, разносторонне образованных, во-

орудие оттаивалось и его приходилось поджывать к прежнему месту. Оно стреляло дымным порохом, и после нескольких выстрелов густое облако черного дыма заслоняло собой

Французская сверхтяжелая пушка (иллюстрация на книге «Артиллерия»).

предел. Командир современного орудия наводит его на цель по помощи сложного оптического прибора — панорама. После выстрела ствол орудия плавно скользит назад и затем возвращается на прежнее место. Орудие стреляет бездымным пороком, который не причиняет никакого неудобства. В конце XIX века пушка делала 1 выстрел за несколько минут. Современная противотанковая пушка делает 20 выстрелов в минуту. Она стреляет быстрее винтовки.

Усвоение сложного содержания книги «Артиллерия» значительно облегчается иллюстрациями, рисунками, таблицами и схемами помогают читателю понять назначение и действие сложных механизмов и приборов: артиллерийской буссоли, откатных приспособлений и многих других.

«Артиллерия» — интересная книга и ценное пособие для первоначального ознакомления с одной из важнейших отраслей военной науки.

„КОМСОМОЛЬСК“

М. ГОЛЬДБЕРГ

Что прежде всего отличает настоящее, подлинное произведение искусства от любой подделки под него? На это можно ответить одним словом: страсть. К какому бы умчирением ни прибегал равнодушный ремесленник от искусства, как бы ни усложнял он сюжет произведения, ни расписывал его исканими словечками, трюками, «предожиданными поворотами действия и т. п.», — читатель или зритель всегда останутся равнодушными к его работе. Читатель или зритель, которому подымают такой сурогат, может удивиться звонкой, головокружительной метафоре, может похвалить «ловкое сдвинутую» кадр, но, закончив книгу или просмотрев кинофильм, почувствует лишь усталость и раздражение. Он забудет содержание прочитанного или увиденного через несколько минут.

В фильме «Комсомолец» (режиссер — Сергей Герасимов) есть немало эффектно придуманных кадров. К строителю города Володе Соловьеву приезжает жена — Наташа. Володя живет в грязном, убогом шалаше, крыша шалаша протекает. Ночью, чтобы отградить сон жены, Володя, не смыкая глаз, держит над ее головой тарелку, куда стекает вода с потолка... Или потрясающая сцена в тайге, когда демериды Буденко и Силин, бегущие со стройки, обмучившись, вдруг видят, что в покоситом ими городе вспыхнуло зарево пожара. С криком «Бебега, Комсомолец горит!» они бросаются назад, но выстрелы диверсанта преграждают им путь. Или преносимая святая картина асоссала по каналу, вырубленному во льду Амуре, картина, захватывающая зрителя стремительным, напряженным, все ускорившимся темпом работы до такой степени, что ему самому хочется схватить багор и стать рядом с людьми на мрамане — проталкивать бревна... Повторям, такими моментами, блестящими по режиссерской выдумке и операторскому мастерству, «Комсомолец» изобилует, но ни один из них не воспринимается как украшательский трюк.

Диверсант убивает комсомольца Чеканова (кадр из фильма «Комсомолец»).

Приезд новых комсомольцев на стройку города юности (кадр из фильма «Комсомолец»).

Ни один из них не забывается, ибо каждая деталь органически входит в живую, трепетную ткань произведения.

С самого начала вы ощущаете, что картину создали патристы социалистической революции, люди с горчим сердцем, люди, которым по-настоящему дороги и комсомол, и стройка, и все, что на стройке происходит. Как в стихах Маяковского, здесь волнует и потрясает та внутренняя музыка, тот скрытый огонь, который вспыхивает лишь в борьбе, борьбе против злы и гнилы старого мира, борьбе за утверждение нового, социалистического человека.

Наша критика уже разоблачила тех пошляков, которые хотели «классифицировать» художественную литературу по таким примерно тематическим разделам: индустрия, сельское хозяйство, пищевая промышленность, кооперация и т. д. На какую пошлость занес бы пошляк картину «Комсомолец»? По ведомству строительной промышленности? Или по правду волею транспорта, поскольку дело происходит на реке Амуре и картина заканчивается спуском на воду первого корабля? Но разве не ясно, что темой картины является человек и человеческое счастье, возможно только в стране социализма, счастье, тайна которого в сочетании личного и общественного.

Наташа Соловьева (артистка Тамара Маркова) приезжает на стройку Комсомольска, полная самых радужных планов. Ее, комсомолку Наташу, охватывает гордость от сознания, что и она вступила на героическую землю города юности, что и она будет строить Комсомолец. Ее, Наташу, волнует и другое — сейчас она увидит Володу, своего мужа... И вот после радостной встречи — первый конфликт. Владимир (артист И. Носовский), оказывается, вовсе не разделяет восторженного отношения Наташи к стройке. Он квалифицированный рабочий, он не хочет заниматься раскорчевкой шпех. Устав от трудностей, Владимир хочет бежать. Коллектив удерживает его от этого поступка, но Наташу Владимир терзает. Разочарованная, потрясенная малодушием любимого человека, она уходит от него.

Стройка продолжается. На месте таежских зарослей вырастает цех, и партийный комитет уже перебрасывает Володу на монтаж оборудования. Володя учится новой работе, он давно мечтал о ней. Но мысли о Наташе не дают ему покоя... Гордость и самолюбие мешают ему найти путь к пре-

ним отношениям с любимой женщиной. И он губочно затановывает горечь.

Трагедия? Драма? Нет. Рядом с Володой товарищи, рядом с ним секретарь комсомольского комитета — строгий и ласковый Андрей (артист Н. Крючков), уменьший быть по-настоящему, по-большинству чужим к людям. Рядом с Наташей — ее подруги по женскому барачу во главе с халопитной, влюбленной в стройку и в ее людей, веселой, озорной Мотей (артистка В. Телегина). И именно потому, что они крепко связаны с коллективом, Наташа и Володя, в конце концов, восстанавливают свои прежние отношения.

Очень тонко, произвольно, с восточным художественным тактом показано в картине, как постепенно тает холодок, исчезает напряженность в отношениях Володы и Наташи, как судьба Комсомольска, его поражения и победы, его горести и радости определяют личные судьбы двух молодых людей.

Какое-то, впервые в нашем искусстве так чисто, целомудренно и пламенно рассказано о любви. Наташа, мучительно переживающая разрыв с мужем, дает режиссер и суровый отпор Буденко, когда тот пытается к ней приставить. Она само оберегает свое чувство... Маяковский видел одну из главных задач советского искусства в борьбе за чистоту отношений наших и любовных дел. Эти слова Маяковского невольно вспоминаешь, когда смотришь «Комсомолец».

Чистота отношений... Чистота любви, которая не знает никаких уступок и компромиссов. Чистота дружбы, основанной на преданности партии и родине, — та чистота, которая помогла комсомольцам разоблачить пробравшихся в их среду фашистского мерзавца, Чистота смелых и мужественных людей, молодых большевиков, закаляющих себя в борьбе с природой и классовым врагом, — вот в чем плафон и страсть этого фильма.

«Комсомолец» — незаурядное явление в жизни советского искусства. Изучение этой картины, того нового, что она привнесла, много даст не только работникам театра и кино, но и работникам художественного слова. Не приходится и говорить о том слова. Оно огромно значимое, которое имеет картина для воспитательной работы ленинского комсомола.

Коллектив «Комсомольска» можно поздравить с тем, что ему удалось воплотить в жизнь столь значимые, которые имеет картина для воспитательной работы ленинского комсомола.

ШАХМАТЫ

ОТДЕЛ ВЕДЕТ Л. ГУБЕЛЬ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНКУРС «ЮНАНТЕ»

Задача № 73

Мастер М. М. Барулин
(Москва)

Первый приз

Белые, начиная, дают мат в два хода.

Заключился большой международный конкурс составления двухходовых шахматных задач, организованной газетой «Юнанте». Конкурс боевого органа французской шахматной принадел ряд крупнейших мастеров шахматного искусства и талантливую молодежь, только еще начинающую творческую работу.

Задача № 74

А. П. Корепин (город Ардатов,
Мордовской АССР)

Пятый приз

Белые, начиная, дают мат в два хода.

Советские составители, принявшие активное участие в конкурсе, завоевали четыре приза (из пяти). В числе отмеченных отличными произведениями молодых советских авторов: Корепин (5-й приз), москвича Иванова (почетный отзыв), Тулева (Оиск) (почетный отзыв), москвича Канатца (почетный отзыв).

ЧИТАТЕЛИ «СМЕНЫ» — МАСТЕР ВЕРЛИНСКИЙ

В партии, играющейся по переписке между читателями нашего журнала и мастером СССР по шахматам Б. М. Верлинским, уже сделано 12 ходов. В результате разрабатываю остро

варианта центральная партия создавала напряженное и интересное положение.

Читатели, желающим включиться в игру, следует сообщить в редакцию свои адреса.

Старые русские мастера

ИЛЬЯ ШУМОВ

После первого чемпиона России А. Д. Петрова и знаменитого Янина по главе русских шахматистов стал Илья Степанович Шумов (1819—1881 годы). Велик и самолюбив был его талант. Шумов не знал теории и не признавал книжных рецептов. Любой ценой добиться атаки — таково было его стремление в любой партии, против любого противника. Если он начинал атаковать, противник мог сепкой собою сыграть. Если же атака не удавалась, Илья Шумов попадал в тяжелое положение, то это еще не предвещало его проигрыша: Шумов расставлял множество хитроумных ловушек, избегая, чтобы его не так легко. Не даром Шумов мастерски составлял трудные и захватывающие задачи, пользующиеся популярностью и в наши дни.

Его окончание одной из партий Шумова, играемой в 1871 году:

Белые (Н. И. Петровский): Kрh1, Фe2, Лa1, Чb3, Кa3, a2, b4, c3, e4, f2, h2 (11);
Черные (И. С. Шумов): Kрb8, Фb6, Лf8, Кe3, g4, a7, b7, c7, e7, h7 (10).

Белые, уверенные в том, что их королевский фланг пока не уязвим, сыграли 22. Фe2—b5. В ответ последовало:

22. Kg4—f2+

23. Kрh1—g1 Kf2—g3+!

Белые жервят коня, но брать его нельзя из-за мата в 2—3 хода (24. g2:h3 Фb6—g6+ и т. д.).

24. Kрg1—h1 Kc3—d1!!

Белые сдались. Если они сыграют 25. Лa1:d1, то последует Фb6—g1+ и 26. Лa1:g1 Kf3—f2X. Если же 25. Фb5:b6, то Лf8—f1+.

КАРЛ МАРКС И ШАХМАТЫ

Редко кто из друзей Маркса не усвоит о шахматных досках великого мыслителя.

В те немногочисленные дни, которые Маркс по настоянию родных и друзей посвящал отдыху, он любил играть в шахматы или в шашки. В Либкнехт пишет в своих воспоминаниях: «Маркс был превосходным дашистом. Он достиг в шашках такого совершенства, что у него чрезвычайно трудно было выиграть партию. Осенью он играл также Маркс и в шахматы».

Вильгельм Либкнехт рассказывает о таком эпизоде:

«Обычая Маркс с троюмной обаян, что он придумал новый ход, посредством которого он расправил со всеми нами. Вызов был принят—и, действительно, Маркс победил всех нас».

Поражения, однако, нас кое-чему научили, и мне удалось вскоре дать Марксу мат. Был уже поздний вечер, и Маркс сердито потребовал реванша на следующее же утро.

Точно в 11 часов и был у Маркса. Началась игра. Марксу мигнувшей ночью удалось найти улучшение своего варианта, и после недолгой ссоры я был захват в тиски, из которых мне уже не удалось освободиться. Я получил мат, Маркс торжественно возгласил: «Маркс новая партия, но этот раз выиграл я. Так мы сражались — с переменным счастьем и сменяющимся настроением — почти без перерывов до полуночи, когда мне удалось выиграть у Маркса подряд два

партии. Он хотел бы то бы то и стало продолжать игру, но Ленхен — диктаторша дома — заявила категорически: «Теперь игра прекращается!» И нам пришлось подчиниться...»

До нас дошло окончание партии, выигранной К. Марксом у немецкого шахматного мастера Г. Р. Неймана. Эта партия, в которой белые (Нейман) играли без кося, пришла к такой позиции:

Ход черных.

Судя по соотношению сил, черные, для того чтобы добиться атаки, не сдали свои фигуры. Материальное превосходство на стороне белых. Но использовать его им не пришлось: Маркс обьявил мат в три хода.

1. ... f2 Фd2—f2+!
2. Лf1—f2 g3: f2+!
3. Kрg1—f1 (h1) Kb5—g5X.

1 Елена Луцук, прегляная девушка, вези жень была преданная другом сема Маркса.

Результаты 17-го конкурса

Участникам конкурса были предложены для решения 4 двухходовых задачи, 5 трехходовок и 1 этюд. В одной из задач (№ 66) оказалось побочное решение: 1. Kрf1—c2. Таким образом, максимальное количество очков равно 28.

Из 227 участников конкурса лучших результатов добились следующие 8 товарищей, которые

и получают премии: Н. Димит (Новосибирск), Н. Кириченко (Харьков), Г. Матвиакын (Копетуг), П. Шатровский (Москва)—по 28 очков; Н. Ивановский (Архангельск), А. Попандулов (Ленинград), В. Падарин (Харьков), Н. Пирогов (Москва)—по 26 очков. Из остальных участников выделяется результат шахматиста Фаны Савинской (Новосибирск)—25 очков.

Фото Р. Леонберг.

И. Д. Падарин за шахматами.

НОВЫЙ ЗВУКОВОЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФИЛЬМ

«ДЕТСТВО ГОРЬКОГО»

ПРОИЗВОДСТВО КИНОСТУДИИ
„СОЮЗДЕТФИЛЬМ“

Сценарий: И. А. Груздева,
М. С. Донского

Постановка Марка Донского
Операторы: П. В. Ермолов,
И. Ф. Малов

Композитор — Лев Шварц
Звукооператор — Н. Озорнов
Ст. ассистент — Р. Я. Бернштейн
Ассистент — Э. И. Файк

В главных ролях:

Народная артистка республики орденосносца В. О. Массалитинова, М. К. Трояновский, заслуж. артистка республики Е. Г. Алексеева, Алеша Ларский, Д. Л. Сегал, Игорь Смирнов и другие.

СМОТРИТЕ И СЛУШАЙТЕ НА ЭКРАНАХ СОЮЗА ССР

Содержание

За лучших людей страны! (передовая). — Крепнуть боевую готовность! (статья). А. Адалис — Весна (стихи). Песни антифашистских колонн (стихи). Артур Кестлер — Интернационал (рассказ). Петрусь Габюка — Условный знак (стихи). А. Макаренко — Симфония Шуберта (глава из нового романа). Майкл Голд — Лицо Америки (очерки). Н. Мещеряков — Карл Маркс (статья). А. Поневежский — Артиллеристы (очерки). М. Чачко — Друзья (рассказ). И. Новиков — Бессмертная поэма (статья). Савао о долгу Игорева (отрывки из поэмы в переводе Ивана Новикова). А. Купершток — Певец (стихи). М. Черненко — Доктор

географических назв (очерки). М. Дальцева — Завоеванная крепость (очерки). М. Гольдберг — «Комсомольск» (рецензия).

Страница читателя. — Заметки об интересных книгах. — Памятные даты. — Шахматы.

Рисунки И. Гринштейна, А. Щербакова, В. Козовалова. Фото П. Новицкого, И. Шагина, Н. Коали, И. Гуцьяна, В. Шаховского, Р. Лемберг.

На обложке: У орудия. Фото В. Шаховского.

На обороте обложки: Из школы. Фотохуд И. Шагина.

Отв. г. редактор М. П. Тетерин

Зам. отв. редактора М. Л. Гольдберг

Оформление В. И. Урин

Адрес редакции: Москва, 40, улица „Правды“, 24, тел. Д 3-34-24

Слано в набор 13/IV—1938 г. Подписано к печати 10 V—1938 г. Изд. № 464. Формат 72×110 см. 4 печ. л. 98 000 зн. в печ. л. Уполномоченный Главлита № Б—43173 Техред Л. Шуман Заказ № 1005. Тираж 45 000

Типография газеты „Правда“ имени Сталина, Москва, улица „Правды“, 24.

